

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

Охота к перемене мест

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Братья Швальнеры
**Охота к перемене мест.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Охота к перемене мест. Повести и рассказы / Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835192-1

Герой трагифарса «Мисима. Путь воина» — деревенский дурачок, возомнивший себя самураем. Один Бог знает, что с ним может произойти, — причем Бог не японский, а наш, родной... В центре политического памфлета «А быр-то наш!» проблема великодержавного шовинизма — смешного со стороны и ужасного изнутри. Рассказы «Каждому — свое» и «Перемена мест» — об оборотной стороне любви, способной уничтожить десятки человеческих жизней.

ISBN 978-5-44-835192-1

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Братья ШВАЛЬНЕРЫ	6
ПОВЕСТИ	7
МИСИМА. ПУТЬ ВОИНА	7
Часть первая. Начнем с конца...	7
Часть вторая. С чего все начиналось	29
Часть третья. Расцвет сакуры	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Охота к перемене мест

Повести и рассказы

Братья Швальнеры

*Альбине Абдулаевой (Габбасовой) – белой жемчужине,
от жемчужины черной. Спасибо за любовь. Твое сокровище, А.*

© Братья Швальнеры, 2016

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5192-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Братья ШВАЛЬНЕРЫ

ПОВЕСТИ

МИСИМА. ПУТЬ ВОИНА

Часть первая. Начнем с конца...

Однажды Мисима шел домой. Путь его был наполнен созерцанием. Ветви высохшей сакуры давно покрылись таким толстым слоем инея, что невозможно было отличить его от снега. «Морозы совсем не за горами», подумал Мисима. То, что покрывало деревья, хрустело и под ногами – Мисима опустил голову вниз и увидел озябшего котенка. Он погладил его и залез в карман – там был припасен кусок ветчины, старой и прогорклой. Зачем он таскал его целую неделю, Мисима не знал, но был твердо уверен, что делает правильно, и этот никчемный и непригодный в пищу кусок мяса ему еще сослужит добрую службу. Он оказался прав – котенок набросился на него как лев на добычу, и проходя дальше, Мисима оставил своего меньшего брата пребывающим в чувстве глубокого удовлетворения.

В магазине Мисима долго стоял возле стойки с sake.

– Сake... – повторял он, вызывая неодобрительные взгляды продавщицы. – Сake... – Потом что-то смешное наваял ему этот повтор, и он произнес уже глубже: – Сссссссake.... – И сам рассмеялся сказанному.

Бутылка sake была дешевой – для Мисимы настали не лучшие времена. Он успокоил себя тем, что «закуска, – как он говорил, – градус крадет», а на оную денег и вовсе нет. Зато вечер крайнего дня пройдет для него в относительно медитативной обстановке. Положив бутылку в худую сетку, Мисима заспешил домой, опасаясь, что ручки у сетки вот-вот оторвутся, и планам его не суждено будет претвориться в жизнь.

Дома Мисиму ждала его тян – женщина крупная и воинственная. Он давно дал ей имя. Ее звали Азэми – цветок чертополоха. Такая же красивая, но такая же пустая, подумал Мисима, без слов приближаясь к ней, чтобы поцеловать.

Оба не спешили здороваться.

– Получка была? – не с привычной уже агрессией, а скорее с усталостью в голосе спросила Азэми.

– Сказали на той неделе...

Она грустно уронила лицо в ладони. «Плакать не будет, – подумал Мисима, и оказался прав, – давно уже не плачет. Больше эмоций, чем души».

– Давно сказала тебе – увольняйся...

– Пытался, – обреченно произнес Мисима.

– Ты? Ты пытался? Что ты сделал для этого? – она и вправду не плакала, но глаза Азэми выражали такое горькое непонимание, даже недоумение. Она думала так:

«Наверное он не любит меня. Ведь любовь измеряется не словами, а делами. И хоть он говорит о своей любви на каждом шагу, но ведь ничего не делает для меня, даже самого малого... Пусть не для меня – для нас, для того общего, что нас объединяет и что позволяет говорить о нас как о семье... Разве что его гостевые прикосновения... когда при людях он позволяет себе гладить мою грудь... Но разве в этом соль любви, ее центробежная сила?...» Она не успела ответить на свой вопрос.

– А я им заявление написал, – сухо процедил Мисима.

– Заявление? О чем?

– Что увольняюсь.

– Ну и что?

– Завтра общее собрание. Рассматривать будут.

Азэми улыбнулась. Мисима подошел к ней вплотную и провел рукой по изможденному, измученному лицу.

– Ты так давно не улыбалась...

– Наверное, поводов не было, – она взяла его руку и нежно поцеловала в самую ладонь.

– А сейчас? – губы Мисимы начали расплываться в улыбке – той самой улыбке, которая была так свойственна Мисиме и без которой он не мог прожить и двух часов. Улыбка обнажила его редкие зубы, но выдала ничем не скрываемую теплоту, радость, которая свойственна была ребенку. Азэми вспомнила эту радость – ту самую, по-детски наивную, за которую она – женщина старше его на 12 лет – полюбила его тогда.

– А сейчас я снова счастлива.

Мисима перевел взгляд на ее грудь. За взглядом последовала рука.

– Чего бы ты сейчас хотел? – щеки Азэми зарделись розовым цветом.

– Айда? – игриво повел бровью Мисима.

Спустя несколько минут они предались любви. Мисима ласкал нежные и податливые ее телеса, поглощая жар материнского чувства, отдаваемого Азэми, принимая его, как и тогда, несколько лет назад, за первозданную, искреннюю любовь. Право, он готов был отдать ей все золото Вселенной, когда она, забывая обо всем, заходила в истошном крике под его напористыми и резкими движениями... А потом, когда все закончилось, он снова закурил и задумался о вечном...

В дверь постучали...

– ... Ну да, ничего удивительного, – говорил Нигицу, распивая sake. Вообще-то его звали Степан, но Мисима уже давно звал его Нигицу. Сам не знал, почему.. – Когда порешь, города отдаешь, а отпорол – и деревни жалко.

– Нету в тебе, Нигицу, мать твою, культуры, – говорил Мисима, затягиваясь папиросой и глядя собеседнику в глаза.

– А? – нет, Нигицу хорошо слышал, но иногда этот вопрос в его устах словно бы призван был сказать Мисиме, что тот не понимает глубинного смысла его слов.

– Это ж-так sake, вещь благородная, а ты... Ну как ты пьешь?

– А как? Обыкновенно...

– Цедить надо. А ты залпом отхерачил уже третью рюмку.

– А сам-то? – Нигицу выразил резонное возмущение.

Мисима обзрел свой кубок. Нигицу был прав.

– Ну и че сегодня было на собрании? – Мисима перевел тему, не будучи готов продолжить беседу с Нигицу относительно культуры питья.

– Да ниче... Завтра председателя переизбирать будут...

«Переизбирать», – произнес про себя Мисима. – Какая обреченность в этом слове... Так, будто воля народа уже предрешена, и ничего нельзя изменить... Эта приставка „пере“...»

– И че ты думаешь? Как голосовать будешь?

Мисима не ждал альтернативного ответа на вопрос. Скорее, он ждал реакции на такую его постановку.

– Ты дурак что ль?

– А что?

– Ну а кого? Тебя, что ли?..

– А почему бы и нет?!

– Да ты не повезешь.

– А ты за меня давай не базарь... Наливай лучше...

Беседа в таком ключе утомила Мисиму. «Истина в вине», напомнила память чьи-то одновременно и мудрые, и глупые слова, и оба ронины опрокинули свои стаканы.

Азэми пришла на звон посуды.

– Есть хотите? – утомленно улыбаясь, спросила она.

Нигицу закивал, а Мисима вновь подобострастно уставился на самую выдающуюся часть ее тела. Его большая длань вновь легла на грудь возлюбленной. Она томно улыбнулась ему и стала к плите.

Что-то зашкворчало в сковороде, заглушая спор двух ронинов и руководящих качествах одного из них. И слышны их голоса стали только когда уставшие вернулись они к разговору о высоком, а на столе появилась сковорода с картофелем, обжаренным в масле.

– Ты знаешь кто, Михалыч? – спросил Мисима, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Кто? – Нигицу, хоть и ждал всякого от своего поэтически-возвышенного друга, все же не был готов к очередному его откровению.

– Ронин.

– Чего???

– Царь, предавшийся воле волн...

– Че это?

– А то. Живешь так себе, без цели, без расчета, без умысла всякого...

– Че это ты хочешь сказать?

– А то он хочет сказать, – отвечала за супруга влекомая им за стол Азэми, – что жениться тебе надо. Ты бы Ритку заново позвал...

– Это еще зачем?

– А затем, чтобы было кому дома ждать... Вот, посмотри как мы с Хираокой моим живем, душа в душу... – Азэми притянула мужа к себе и нежно поцеловала. Он особенно любил, когда она говорила ему нежно, душевно, называя по имени «Хираока ты мой»... По его настоящему имени, без этого глупого псевдонима Юкио Мисима, о принятии которого он уже и пожалел давно.

– Да уж... – брезгливо отвернулся от целующейся парочки Нигицу. – Достойный повод... – В его голосе сквозил скепсис и пренебрежение.

– Ты не прав, Михалыч, – парировал Мисима. – Мужик без бабы он что и баба без мужика, жить не должен...

– Ага... А ты мне лучше расскажи, полноценный ты наш, ты зачем заявление написал? Завтра собрание, рассматривать будут...

Флер взаимного очарования сошел с лица Мисимы и его спутницы.

– Ну написал... А чего?

– Ты бы чем херней маяться, в пастухи на полставки пошел... Председатель сказал пастухи нужны...

– Да чего туда идти, все равно четвертый месяц никому не платят...

– В том-то и дело, что никому. Будут деньги – заплатят. Сам же знаешь, как в колхозе зимой – не сеем и не пашем...

– ...А валяем дурака, с колокольни фуем машем, разгоняем облака... Надоело так жить! – Мисима ударил кулаком по столу. – Надоело быть ронином, и предаваться воле волн...

– Совсем крыша поехала, – поднимая очередной кубок, произнес Нигицу.

Вечером следующего дня Мисима появился на пороге дома, сияя от счастья. Азэми словно бы передалось его настроение, и она спросила:

– Как все прошло?

– Прекрасно. Я обвел их вокруг пальца.

– Но как?

– Я говорю: увольняюсь, потому что нет зарплаты. А они меня на должность старшего механизатора с еще более высоким окладом! Ишь, как я их...

Задумчивость Азэми граничила только с ее печалью...

Однажды Мисима пошел в баню. «Славное омовение, – рассуждал он мысленно, – является первым шагом на пути к очищению мыслей от скверны...» А ему в этот день очищение было просто жизненно необходимо. Скверным было послание даймё – председателя, ежегодно напутствовавшее верных самураев. Не обещало оно злата и серебра верным подданным феодала, отчего последние пришли в печаль и многие даже пытались утопить ее в sake. Не таков был Мисима – благость и воздержание овладели и карманом, и членами его, и отправился он в горячую и влажную парную.

Завернутый в юката, пришел Мисима в баню. Ронины его были в основном нагишом. Что не могло не броситься ему в глаза.

– Отчего не прикрываете члены свои? – резонно возмутился Мисима.

– Чего??? – задал наводящий вопрос старший из присутствовавших, Оаке-сан.

– Чего, говорю, гей-парад тут устроили?

– Ты кого сейчас геем назвал?

Недовольство ронинов, также пришедших сюда после встречи с дайме, было вполне очевидным. Но Мисима не желал сдавать своих позиций.

– Да тебя. Что ты, ходит тут, сверкает... Смотри, влетит тебе, булочки-то гореть будут...

Юмор всегда был отличительной чертой Мисимы. И сейчас ему удалось снять напряжение, воцарившееся среди присутствующих. Осмеяли храбрые ронины Оаке-сана и стали слушать славные рассказы Мисимы о его службе в армии.

– ...Ну я тебе говорю! – (он любил использовать эту присказку в качестве своеобразного свидетельства достоверности того, о чем он говорил) – Значит, у нас два офицера. Напились в хламину. Среди бела дня. И лезут значит по отвесной стене комендатуры на канатах прямо к себе в кабинеты...

– А по лестнице нельзя? – не унимался разразившийся неуместным критицизмом Оаке-сан, жаждавший мести за осмеяние.

– Говорят же тебе, дураку, пьяные они. А если кто из старшего начальства встретится?! Ну вот... Значит, лезут, и один срывается. И – прикинь, – также для пущей правдоподобности прибавляет эпитет Мисима, – падает прямо на козырек перед входной дверью... Ну, знаешь, такие навесы бывают... И от удара у него сердце останавливается. И чего ты думаешь? Он дальше падает, на землю, уже с козырька. И от второго удара сердце снова биться начинает! Во как!

– Да... Чудеса, – разводят руками ронины.

– А че, парни, пиво есть? – призывно смотрит Мисима на своих товарищей.

Они переглядываются между собой, и вот уже прохладная бутылка sake появляется в кругу верных друзей, становясь благодарной если не собеседницей, то слушательницей рассказов Мисимы о его славных боевых подвигах.

– Ух, как я там чурок мочил... – sake возбуждает внутри Мисимы самые теплые его воспоминания. – Один сидит в кубрике, значит, читает Коран. Я ему говорю: ну-ка дай-ка мне сюда... Он дает, я читаю. Ну ничего так книжица, на разок почитать можно. И тут второй заходит. Тоже из этих, их пиконосых. И как давай причитать: «Вай-вай, как так, неверный Коран читает». Ну я ему каааак вташил!.. Этот – за него вступаться... Я тогда и тому каааак...

Удивляются ронины и восхищаются рассказам Мисимы. Сильное впечатление на них – опавших духом – производят воспоминания о его былых подвигах, о его силе и героизме. Верят они товарищу своему. Он сидит рядом с ними и повествует, а они внимают и уносятся мыслями в некую сказочную страну, и вот уже видят собеседника и товарища своего, равного

им, на коне с мечом в руке и в доспехах самурая... И мысли эти настолько овладевают всеми присутствующими, что скоро доходят и до самого Мисимы... И он замолкает, представляя происходящее...

Тяжелые стальные доспехи ложатся на сильное тело Мисимы словно бы органичным дополнением – так, словно они всегда были здесь. Он несет их с честью, гордостью и достоинством. Он приготовился к славному ратному сражению за честь и славу сегуна. А кто сегун? Да важно ли это? Каждый из тех, кто минуту назад слушал рассказы его, для него и есть цель той защиты, что готов он на себя принять. А они же, в свою очередь, готовы составить его ратное войско, чтобы защитить своего сюзерена.

Доспехи венчает ужасающая, внушающая животный ужас маска зверя. И этот ужас, источаемый ею, так же впитывается и впивается в тело Мисимы, становясь словно бы его частью. И он уже наполнен воинственным духом. И возбуждающий ярость военный марш звучит в парной, и на поле брани – везде, где добрые ронины телом и душой пребывают.

Тяжелый меч вороненой стали изогнутым барельефом смотрится в сильной руке Мисимы. Солнце играет на нем. Засмотрелся Мисима на меч – добрый его товарищ, что не раз выручал его в сражениях, снова рядом с ним. Как тяжел он и востр!

Мисима переводит взгляд на противника – войско его столь многочисленно, что расплывается и сливается с горизонтом. Целая тьма ордынская подошла к стенам его крепости. И не может он поступить иначе, кроме как приступить к обороне своего родного дома. Обращивается Мисима на воинов своих – все как один в масках звериных, на всех доспехи ратные и самое главное – дух воина виден и слышен в каждом.

Истощенный вопль Мисимы озаряет долину.

– Банзааааай! – кричит он, бросаясь в самую сердцевину войска противника.

Крик его ужас вселяет в неприятеля. Не меч, не страшная маска, не тяжелые доспехи, а один только крик. Понимает Мисима, что единственное и самое сильное оружие в любом бою – здесь или на колхозных полях, рука об руку с нелюбимым председателем – это дух воина. Дух бойца, призванного Всевышним сражаться, служить и защищать. Холодный металл латных доспехов – лишь приложение к нему. А исходящий из глубины живота, истощенный вопль – и есть подлинный дух, которым наделен каждый самурай...

Мисима и товарищи его сидят в парной и смотрят в одну точку как замороженные. И лишь один Оаке-сан, недостойный гэйдзин, снова неодобрительно смотрит на Мисиму.

– Хорош заливать, а... Дух, сражение, воины... Чему тебя там учили? Полгода в учебке, полгода от мамкиных пирожков отходил... А все сражения, чеченскую прошел... Если б ты там был, так бы не рассказывал складно...

– А ты вообще молчи, – бросает Мисима в сторону недостойного. – Будет нам тут с мужиками еще какой-то гей в уши вкручивать. – Снова улыбка озаряет лицо поэта-воина. – Да, мужики?

Все смеются. Снова поруган Оаке-сан. Не понимает, недостойная его душа, что попыткой разрушить чужое никогда не возвести свое. И неважно при этом, что именно ты пытаешься разрушить – крепкий замок или соломенную халупу. А, не построив своего, не может самурай считать себя достойным высокого звания носителя меча.

Одевались. Мисима начал травить анекдоты.

– Дед с бабкой значит лежат ночью. Ну, не спится. Дед говорит: «А помнишь, бабка, была ситуация... Ты как-то на ферму приходишь, а я там с Машкой-дойяркой... ну шурымуры...» Бабка головой кивает: «Да, помню. А ты помнишь, была ситуация, ты с командировки раньше положенного вернулся, а я с Иваном-трактористом на кровати расслабляюсь?..» Дед ей: «Э, нет, бабка, ты ситуацию с блюдом не путай!»

Ронины смеются, а пытливым умом Мисимы следует уже за горизонты привычного сознания – рассказанный им же анекдот возбудил в нем тягу к любви.

Возвращается Мисима домой. Ласку свою проявить и показать хочет своей Азэми. Однако, не настроена она принимать его в себя.

– Ладно уж, собирайся. В гости идем.

– К кому? – спрашивает Мисима, не думая о вопросе, ибо взгляд его прикован к сказочной груди Азэми.

– К Петровым. Ванька премию получил... Не то, что ты...

– А я чего?

– А того! Зарплата где?

– Сама же знаешь, в колхозе уже третий месяц никому не платят!

– А ты и молчишь, дурень ты эдакий. Вон в суд бы подал.

– Ага, а на адвоката где я тебе деньги найду?

– Ой дурак...

Тяжело вздыхает Азэми и уходит. И не менее тяжело вздыхает Мисима, лишенный возможности созерцать телеса любимой.

Однажды Мисима занимался спортом. Как всякий воин, много времени уделил он подготовке к этому ответственному занятию, сделав из на первый взгляд ничем не примечательного действия целую церемонию.

В тот день он явился домой раньше обычного. На календаре, висевшем на стене, была пятница, и Азэми высказала ему свое удивление, граничащее с неудовольствием.

– Чего приперся в такую рань? Куда собрался?

– Успокойся... – отмахнулся Мисима, направившись в свою комнату.

Не так-то просто было управлять эмоциями этой масштабной во всех отношениях женщины – и она последовала за ним.

Обычно в таких случаях он искал аккумулятор от машины – зная склонность супруга к саке, Азэми часто прятала важную деталь машинного механизма, движимая желанием уберечь мужа от возможных неприятностей в пути, связанных с влиянием зеленого змия. Но на этот раз все было иначе – Мисима переодевался.

– Куда это ты?

– Не скажу, – продолжал отмахиваться самурай.

Азэми видела, что Мисима снимает рабочую одежду и надевает легкую, домашнюю – майку, облегаящие спортивные брюки с немного оттянутыми коленями, спортивную кепку, олимпийскую куртку 1980 года выпуска, доставшуюся ему по наследству от почившего в бозе родителя.

– Странный ты какой-то... – окинув внешний вид мужа взглядом, произнесла еле слышно Азэми и вышла из комнаты.

Она вязала шарф для матери, глядя в окно, когда Мисима предстал в ней во всей своей спортивной красе. Неуклюже сидевшая на нем домашняя одежда, принимаемая им за атлетическую, все же подчеркивала его телосложение, которое было весьма статным – несмотря на невысокий рост, он был достаточно сбитым, поджарым, мускулистым, что выдавало в нем как духовную, так и физическую силу и красоту. Глядя на него в таком виде, Азэми задумалась – быть может, впервые со дня их свадьбы – о правильности своего выбора.

– Все, побежал, – гордо произнес супруг.

– Куда это ты побежал?

– Спортom заниматься пойду.

– Каким еще спортom?!

– Ну, побегаю, поотжимаюсь, поприседаю... А то что-то засиделся совсем в четырех стенах – дом, работа, дом, работа...

Азэми улыбнулась.

– Правда что ли?

– А что я тебе, шутить что ли буду?.. В пятницу-то вечером?!

«Да уж, действительно, в такой день не пошутишь», – подумала она и произнесла:

– Ты один пойдешь-то?

– Нет. Верный товарищ мой Нигицу-сан компанию составит мне.

– Опять нажрётесь?! – подозрение, зародившееся в душе Азэми, стало принимать агрессивный тон.

– Дура! – категорично развеял тень сомнений Мисима. – Сказано тебе, спортом заниматься будем!.. Все, давай, пойдём, буду поздно...

Когда дверь за супругом затворилась, Азэми еще несколько минут посидела, глядя в окно – она думала, что может и впрямь относиться к мужу с излишней требовательностью и предвзятостью, – а потом пошла готовить борщ. Пятничным традициям она, в отличие от мужа, изменять была не готова.

Мисима сдержал обещание – и впрямь пришел домой поздно. Она уже спала, когда он, стараясь не шуметь, но все же издавая нелепый оглушительный грохот – во тьме он натолкнулся на стоявший в коридоре велосипед, повалив его наземь – прошествовал по дому до кровати и, не раздеваясь, упал на нее лицом вниз. Не зажиная света, Азэми подошла к почившему мужу:

– Чего не раздеваешься-то? – еле слышно спросила она.

– Сил нет. Устал. Потом.

– Есть хочешь?

– Не, говорю же, сил нет, – пробормотал он, не отрывая лица от подушки. Азэми пожала плечами и ушла к себе.

Следующим утром Мисима был бодр, весел, и даже как-то необычайно розовощек. Он пил много воды, мотивируя это тем, что не хочет объедаться перед вечерней пробежкой, а также с увлечением рассказывал Азэми о том, как они с Нигицу сделали сорок кругов вокруг колхозного поля, чем поверг ее в немалое удивление – пожалуй, даже большее, чем от самой затеи заняться непривычным доселе делом.

Вечером он, как и обещал, исчез. Сегодня они должны были идти в гости к матери Азэми, пригласившей их отведать приготовленные по случаю дня рождения императора Хирохито роллы, но Мисима в своем стремлении был непреклонен.

– Какие роллы по случаю рождения Хирохито? Ты запомнила, верно, что на престоле сын великого императора – Акихито, а потому роллы эти лишь поводом притронуться к претящему мне sake станут!

– Претящему? Давно ли?

– Усмешка твоя оскорбительна. Спортивному мужу с sake не по дороге! – и хлопнул дверью.

Обомлела Азэми – ее ли муж произносил эти слова? Он, еще недавно так ревностно относившийся к sake, сейчас отказывается даже от упоминания имени хмельного напитка. Поспешила Азэми к телефону, чтобы возвестить об этом матери и услышать ее мнение относительно метаморфозы, произошедшей с Мисимой.

– Да это ж хорошо, ты чего! – не скрывала своего восхищения мать Азэми. – Может, наконец, за ум возьмется. Хоть квасить перестал, и то слава Богу, алкаш, прости Господи...

И снова за полночь вернулся Мисима. И снова сразу лег спать, даже не притронувшись к суши, приготовленным заботливой Азэми.

Утро воскресенья было ознаменовано все тем же – рассказами Мисимы о том, как они с Нигицу совершили вокруг колхозного поля уже 60 кругов, о здоровом питании, предполагающем полный отказ от курения и алкоголя, потребления тяжелой и жирной пищи, муч-

ного и молочного, а также о том, что здоровье – необходимый элемент гармоничной жизни каждого, включая и ее, Азэми.

– Что-то ты, мать, растолстела, – больно щипая складки вокруг ее сальных бедер, говорил Мисима, окидывая жену критическим взглядом.

– Ты чего? Договоришься сейчас! – Азэми уже было замахнулась на мужа, а он по привычке сравнял ребро ладони с носом...

– Да я не про то! Я к тому, что тоже спортом заниматься скоро будешь... Выгоню я тебя на беговую дорожку, там семь шкур спущу и голой в Африку пущу... Хочу, чтоб вся деревня мне завидовала, какая у меня жена красивая...

Заулыбалась Азэми – предложение мужа ей явно импонировало.

– А когда ж побежим-то?

– Скоро. Надо сначала чуть-чуть тебе режим питания сменить.

– В смысле?

– В смысле меньше борщи жрать, а побольше капусту сырую да морковку. Давай, недельку на спортивной диете посидишь, а там посмотрим... – ласково улыбаясь, Мисима похлопал ее по натянутому как барабан животу. — Все, мне пора.

В таком режиме прошла неделя. Азэми не узнавала мужа – или внушила себе, что перестала его узнавать. Так или иначе, если даже в его внешнем облике перемены были не так заметны, но он стал очевидно добрее и расположеннее к ней, стал проявлять к ней редкие доселе теплоту и ласку, открытость и даже некоторое удовлетворение от того, что она приходится ему женой – последнее так и точно впервые за всю жизнь. Одним словом, Азэми была удовлетворена итогами резко изменившейся жизни мужа.

В следующую субботу Мисима и Азэми должны были идти к Филимоновым – их зять с дочкой приехали из города, что неизменно являлось событием в семейной жизни храброго самурая.

– Не, я не могу, – отмахнулся Мисима от этой идеи как от назойливой мухи.

– Да ты что??? Я уже собралась, нас все ждут!

– Вот одна и сходи, а у меня спорт. Тут ведь что важно – режим, система понимаешь. Немножко упустишь – и все, пиши пропало.

– Ну... Я как-то не знаю... Васька с тобой выпить хочет...

– Вот! Какой мне сейчас пить?! У меня режим, здоровье... А ты – пить! Нет уж, так им и передай. Такие развлечения не для Мисимы. Путь воина – есть путь аскезы и лишений, а не баловства и нанесения вреда своему же здоровью!

Последнее было сказано с таким пафосом, что возразить Азэми просто не могла. Да и не очень-то хотелось ей, в глубине души, снова тащить пьяного супруга за волосы из гостей – она давно мечтала одна посетить дом друзей. Сейчас же ей была предоставлена такая возможность, так что до возражений дело не дошло.

– А где Колян-то? – резонно поинтересовался хозяин дома, увидев Азэми одну на пороге. Она лишь лукаво улыбнулась:

– Бегаёт. Спортом занимается. Они с Трофимовым вон по 60 кругов вокруг колхозного поля дают... Здоровья набираются. А мой заодно – и ума-разума.

– Ага, конечно, – рассмеялась ей в лицо жена хозяина. – Наши вон сейчас с автобусной станции шли, так эти двое пьяные в тыщу возле МТС сидят, да еще спиртягой догоняются.

Улыбка вмиг сошла с лица Азэми. Не знала она той скорости, с которой супруг – по его словам – передвигался во время вечерних вылазок, но так скорость, с которой она полетела сейчас ему навстречу заставила бы позавидовать видавших виды бегунов. Прибыв на место, печальную картину увидела Азэми. И не столько то ее расстроило, что супруг вновь пьян, как то, что он обманывал ее – лгал ей всю неделю, а в действительности распивал под любимой

сакурой у машинно-тракторной станции саке, и гнусно скрывал свою слабость под соусом большого спорта.

– Ах ты тварь! – с воинственным криком сегуна бросилась Азэми в толпу, окружившую Мисиму, и зачарованно слушавшую его рассказы из периодов доброй службы самурая в Императорской Армии. Быстро толпа расступилась перед ее грозным натиском – и вот уже преданная тян тащила своего супруга домой, держа его властной рукой за шкуру.

– Отпусти, дура, неудобно же, – Мисима пытался освободиться от нее, но все безуспешно – слишком велика была разница в комплекциях.

– Алкаш проклятый... Бегаешь он... Спортом. На беговую дорожку меня, а сам...

– Да чего ты понимаешь-то! Путь воина состоит в том, чтобы познать основы лишения и аскезы. Все, мы с Нигицу познали. На второй же день – мы же тебе не хрен собачий, а просветленные воины! И потому на законном основании предались доблестным воспоминаниям...

– Заткнись! – Азэми явно не была настроена на диалог. Да и Мисима не был уверен, что в своем нынешнем состоянии способен его продолжать.

Вернувшись домой, он лег почивать – много саке выпито было за часы физических и духовных практик. А проснувшись около полуночи, вышел на кухню. В полной темноте сидела Азэми и пила саке.

– Сидишь? – робко осведомился самурай.

– Сижу.

– Налъешь?

– Бери стакан.

Они выпили и Азэми улыбнулась – без всяких новшеств, такой муж был ей ближе и понятнее. Таким когда-то она приняла его, и таким готова была терпеть хоть всю оставшуюся жизнь, ибо только верная и преданная жена будет достойной спутницей самурая на пути воина.

Однажды Мисима решил совершить трудовой подвиг.

Не то, чтобы вот так сразу взял и решил – мысль о том, что путь самурая должен сопровождаться подвигом давно коренилась в его мозгу. Он понимал эту истину и разделял ее. «Мало, – думал он, – ничтожно мало лишь сохранить в веках то, что было дано тебе свыше при рождении. Необходимо приложить усилия к тому, чтобы приумножить это».

И если самураем обычно приумножал данное ему свыше в боях и сражениях, то Мисима решил сделать это там, где подвиг был ему доступен – на трудовом фронте.

В тот день он пришел в бригаду раньше обычного. Нигицу, чья смена заканчивалась в восемь утра (он сегодня был на ночном дежурстве), немало удивился столь раннему появлению своего товарища.

– Чего это ты в такую рань? – зевая, спросил Нигицу.

– Да так. Думаю, пораньше приду, тебе работать меньше, – скромно слукавил храбрый воин.

– Ну спасибо, конечно...

– Спасибом пьян не будешь.

– Ну ты это... в пятницу отметим если что...

Ничего не ответил Мисима – не о том сейчас были все его мысли. Ушел Нигицу, глядя на курившего на крыльце МТС Мисиму и недоумеваю, чем бы это могло быть вызвано столь раннее его появление.

Меж тем, началась рабочая смена. На станцию один за другим спешили механизаторы и трактористы, комбайнеры и ремонтники, и всем был нужен Мисима. Обычно он не отли-

чался трудовой доблестью и радением по отношению к службе, но сегодня его словно подменили.

– Михалыч, ты шестеренку на коленвал взял?

– А какой она мне?

– Так у твоего МТЗ-80 давно уже коленвал не тянет. Там шестеренка нужна...

– Как нужна будет, так и приду.

– Ну ты чего базаришь?

– А чего? – недоуменно поглядел на Мисиму Михалыч.

– Ну ты сейчас в поле выйдешь и там станешь. И план навернется, и мне лишний головняк – опять председатель начнет мозги вправлять, что не досмотрел! Чего меня-то подставляешь?..

Разумным показалось Михалычу замечание Мисимы-сан. Согласился он с ним. Взял шестеренку.

– Колян?

– Чего?

– Ты соляры можешь мне на три дня сразу выписать?

– По норме могу.

– А по расходу?

– Нет.

– А чего? С меня магар...

– С тебя магар, а недостачу я куда дену? У меня и так зарплаты кот нассал, да еще за тебя удержание получать, нет уж...

– Ну дай хоть по норме...

Задумался Мисима. Обмануть хочет его хитрый Оаке-сан.

– Слушай, Серега...

– Чего?

– А у тебя же МАЗ по-моему давно жрет больше положенного?

– Дак там как на соляру перевели, так бензонасосу каюк...

– И сколько ты уж таким макарком лишней соляры съел?

– Не я, а пылесос этот долбаный!

– Ну неважно...

– А знаешь, что важно? Что ты как старший механизатор ни хрена не сделал для починки насоса, хотя о проблеме знаешь!

– О! – Мисима воздел палец к небу. Дельное замечание сделал мудрый Оаке-сан. Встал Мисима из-за стола и направился на стоянку.

– Ты куда? – едва поспевал за ним Оаке-сан. Мисима молчал, так словно боялся, что осенившая его не без помощи товарища мудрая мысль улетучится из его умной головы, если он распространится о ней.

Подойдя к МАЗу Оаке-сана, Мисима залез под капот и долго там ковырялся под недоуменные взгляды товарищей. Потом залез под машину и стал что-то там крутить гаечным ключом, периодически выбрасывая детали.

– Ты долго там?

– А тебе чего?

– Мне ехать надо. У меня путевка горит.

Посмотрел Мисима-сан на своего товарища.

– Дай-ка путевку, – тот протянул ее Мисиме без задней мысли. Изучив документ, храбрый воин одной рукой в мгновение ока разорвал его. – Сегодня никуда не поедешь. Машина не на ходу, перерасход топлива. Внеплановый ремонт. Саныч!

– Чего?

- Иди в контору, бери путевку Стахнюка и езжай по ней!
- Понял, – обрадованный возможностью повысить нормовыработку водитель бросился в правление колхоза. Не разделил его радости Оаке-сан.
- Ты охерел?
- Чего?
- А того! Я-то чего жрать буду?
- Я ж тебя не увольняю. Починю – опять за баранку сядешь. Сам же сказал, что моя недоработка. Я согласен.

Оаке-сан молча покинул гараж. В эту минуту до него впервые, быть может, за всю жизнь, дошла истинность выражения о том, что язык самурая – самураю злейший враг. Всегда следует думать прежде, чем что-то говорить. Но почему раньше за Мисимой не наблюдалось такого рвения и, тем более, следования словам и обещаниям?.. Ответа на этот вопрос Оаке-сан пока не нашел. Пока.

Вечером работа Мисимы была сделана, и он не без удовлетворения констатировал Оаке-сану то, что машина исправна и течь в бензонасосе устранена. Но не так этому был рад Оаке-сан как Мисима.

В таком интенсивном рабочем напряжении прошла вся смена. Но по окончании ее Мисима, как ни странно, совсем не устал – напротив, объем полезных и созидательных дел, вышедших сегодня из-под его рук настолько его воодушевил, что он решил превзойти самого себя и отработать две смены подряд. Позвонил Нигицу, который через пару часов должен был менять его.

- Темыч?
- А? – Нигицу был настолько удивлен звонку начальника, что едва не подавился sake, которую смачно распивал в ожидании ночной смены, не требовавшей большой самоотдачи – иначе говоря, можно было беззастенчиво проспать всю ночь, а весь следующий день снова предаваться возлияниям в компании ронинов своих.
- Сегодня в ночь не выходи.
- А чего?
- Я сам отдежурю.
- Че это?
- У Козлова комбайн барахлит, а он в ночном. Сам хочу посмотреть, подлатать если что.
- Ладно, – Нигицу было улыбнулся, подумав, что сегун сошел с ума, но уже через несколько секунд улыбке его было суждено сойти с лица.
- Только это... У тебя права где?
- Дома.
- Завтра с утра с правами.
- С какого это? Я ж механизатор!
- Петров увольняется, за баранку садить некого. Завтра поездишь за него, двойной оклад получишь...
- А на МТС кто останется за меня? Пушкин?
- О, хорошо подметил. Хорош ему в пастухах отираться, завтра оставлю его за тебя, а ты за руль. Будь.

Нигицу положил трубку, оставшись в состоянии крайнего неудовольствия.

– Мудак, – с силой сжал он стакан с sake да так, что тот треснул. Пришлось ронинам забирать огненную воду и продолжать веселье без него – верному их товарищу предстояла ночь глубокого и крепкого сна.

К обеду следующего дня пришел Мисима домой. Азэми удивилась позднему появлению трезвого мужа.

- Ты чего? Где был-то?

Лицо Мисимы было в мазуте – ночь выдалась беспокойная, чинил комбайн. Глаза выдавали усталость.

– «Енисей» вытаскивали. Зато шаровую сделал. Теперь не полетит.

– Есть будешь?

– Муж, едрит твою мать, двое суток на смене, а она спрашивает! Конечно буду!

Эдакая деловая злость хоть и приходилась на долю Азэми время от времени, но ее не пугала – она свидетельствовала о трудовом настрое супруга, который, быть может, когда-нибудь, принес бы в дом премию. И с мыслями о ней Азэми отправилась разогревать борщ.

Через сутки Мисима вновь появился в бригаде – бодрый, свежий, полный сил и светлых мыслей. Но к обеду три машины как на заказ встали – ходовки и коленчатые валы были вечной бедой машинно-тракторной станции. Не опечалился Мисима.

«Значит, Всевышний посылает мне преграду с тем только умыслом, чтобы я преодолел ее и доказал всем, что способен на подвиг. А тем самым и стимулировал к свершениям своих товарищей!»

С такими поразительно светлыми мыслями сам Мисима и двое его сослуживцев с проворностью рабочих муравьев кинулись ремонтировать машины. И так складно все у них да ловко получилось, что не прошло и пары часов, как все они вернулись в работу. Однако, почему-то не порадовались этому водителю, уже купившие sake и приготовившиеся в праздных развлечениях провести остаток дня – так, как это обычно бывало раньше. А одного из них, уже успевшего пригубить зелья, пришлось даже снять с маршрута.

– Да ты че, Колян? В поле ментов нету...

– Да ниче. Ты опять бухой за руль, опять сломаешь а мне опять чинить? Нет уж, хер. Или иди домой по-хорошему или докладную председателю напишу.

– Пиши, куда я не пойду! Это моя норма, мой хлеб, а ты его у меня отбираешь!

Несправедливость слышалась в словах Ицуми-сана. А несправедливость была самым противным воину качеством человека обычного, настоящий воин никогда не должен страдать ею и от нее.

– Да ты сам его у себя отбираешь!

– Как это?

– А так! Зачем нахерачился!

Ничего не ответил Ицуми. Ни сейчас, ни когда спустя полчаса докладную Мисимы изучал председатель.

– Снимаю с маршрута.

– Но Федор Степанович...

– Все, я сказал. И еще раз напьешься – уволю к едрене фене. Шуруй.

Когда Ицуми ушел, председатель с одобрением посмотрел на Мисиму.

– Молодец, Николай, – сказал он, обращаясь к механизатору. – Не зря мы тебя старшим назначили. В конце месяца премию получишь. И побольше мне докладных, смотри за ними за чертями.

Улыбнулся Мисима – он знал и верил, что поступок его все-таки получит одобрение у начальства. Председатель не солгал – три дня спустя состоялось месячное собрание, на котором о бригаде Мисимы на МТС было сказано отдельное слово.

– Сорок восьмая бригада шоферов и механизаторов, – вещал Федор Степанович, – особо хорошо зарекомендовала себя за этот месяц. А потому в полном составе получает премию в размере оклада!

Мисима просиял так, что слезы радости появились на его глазах. Подчиненные посмотрели на него с таким уважением и восхищением, с которым не смотрели никогда. На несколько секунд их охватила непередаваемая гордость как за начальника, так и за себя самих – ведь всем известно, что начальника делает команда, что слава сегуна зависит

от поведения и храбрости в бою воинов его, что каждый народ имеет такого правителя, которого заслуживает. «Вот оно, заслуженное признание», – не без оснований подумал Мисима... Поистине, не каждый начальник за всю свою трудовую биографию удостоивается таких взглядов от своих верных подданных.

Но уже в следующую секунду гримаса недоумения и злобы озарила лица всех тех, кто еще несколько времени назад излучал такую радость и жизнелюбие.

– Можете же, когда хотите, – говорил председатель. – То, что сделала за прошедший месяц 48-я бригада есть пример трудовой доблести... И потому всем бригадам механизаторов и шоферов увеличивается месячный план. Новые нормировки уже готовы, завтра всех милости прошу в бухгалтерию материального стола для ознакомления...

Закончилось собрание, и все разошлись. И лишь Мисима со своими воинами остался в актовом зале правления. Молчал храбрый Мисима, понимая, что от судьбы не уйдешь...

– Что с тобой? – спросила Азэми, разглядывая багровый синяк под глазом мужа.

– Упал, – потупив взор, ответил Мисима-сан.

– На больничный?

– Конечно. Куда я с такой рожей?

– Эх, козел... И плакала премия! Да чтоб ты сдох!..

Бросив тряпку на пол, Азэми покинула прихожую. И только ее недовольные всхлипывания донесли из комнаты спустя несколько минут. Мисима еще потоптался на месте некоторое время, а потом плюнул и тоже ушел – sake, не то, что непутевая жена, подумал он, оно не предаст самурая и в самую трудную минуту.

Однажды Мисима решил повысить свой словарный запас. Причиной принятия такого решения стало нареkanie, полученное от Азэми.

– Господи, – выкрикнула она во время очередной семейной ссоры, – да мне с тобой в приличном обществе стыдно появляться, ты же двух слов связать не можешь!

– Чего это я не могу? – возмутился было Мисима, но тут же поймал себя на мысли о правильности сделанного ею замечания. – Все я могу.

– Ну вот что например? Ты хоть понимаешь, что такое саммит, брифинг, конвергенция? И я уж с тобой с дураком вся комплексами пошла...

Значения этих слов, конечно же, были Мисиме не ясны. Но и Азэми здесь допустила одну большую ошибку – ведь прежде, чем приниматься за изучение слов иностранных, не мешает выучить свой родной язык. Глобального же значения этой ошибки она сразу не поняла...

И во многом благодаря этому Мисима под ее чутким руководством принялся повышать свой культурный уровень. По итогам недели он уже знал и про брифинг, и про конвергенцию, и про конгломерат. Азэми учила его новым, доселе неведомым словам с чувством глубочайшего морального удовлетворения как оттого, что у нее наконец появилось более или менее интеллектуальное занятие (по сравнению с приготовлением борщей или посещением ничемных гостей), так и оттого, что новый великовозрастный ученик делает успехи в освоении лексического материала.

– Вот смотри, Хираока, – говорила Азэми, обращаясь к нему по имени, сидя с ним рядом вечером у телевизора за просмотром новостей, – вот эти бандиты это экспроприаторы.

– Кто?

– Экспроприаторы.

– Почему? Они ж грабители!

– Потому и экспроприаторы. Отъем добра называется к культурных людей экспроприацией, а тот, кто это делает – экспроприатор.

– Гы, – в подобострастной улыбке зашелся Мисима. Порадовало его новое слово.

Ночью, уединившись с Азэми в спальне, он вновь получал очередной бесценный урок лингвистической грамотности.

– Вот то, что ты постоянно меня хочешь, что означает?..

– Да хрен его знает... Яйца гудят...

– Неправильно. Это значит, что у тебя повышенное либидо.

– Это точно, – довольно заулыбался Мисима, плохо понимая значение только что произнесенного слова. – Оно у меня точно повышенное.

Критическим взглядом окинула мужа Азэми.

– Дурак, – отрезала она. – Это не то, что ты подумал. Либидо – это повышенное сексуальное влечение.

Мисима сделал возвышенно – одухотворенное лицо. И хоть он так и не понял разницы между тем, что сказала она и что сказал он, но только примерка такой внешности могла обеспечить ему нормальный финал полового акта.

Следующим днем, бродя с Азэми по базару, Мисима остановился у лотка с овощами.

– Надо вон ту капусту взять, на салат хорошо идет...

– Ох, Хираока ты мой, – тяжело вздохнула Азэми, улыбаясь. – Это правильно называется брокколи...

– И вон ту траву еще зеленую...

– А это кресс-салат...

Мисима все кивал и делал одухотворенное лицо, хотя память его адсорбировала множество вновь узнаваемых слов в мгновение ока.

– Дай вон ту херовину, в которой ты кофе варишь...

– Это турка.

– У Михалыча язва. Он в больничку ходил, так ему велели тама кучу такую всех врачей пройти...

– Диспансеризацию?

– Неее, другое слово. Ну короче куча та же сама, но собраны все в одном месте...

– Консилиум?

– О, точно! А ты кстати слышала, что Ваську Степанова Морозовы к себе батрачить наняли?

– Это называется подряд.

– И откуда ты столько слов знаешь, а...

– То-то! Книжки надо читать!

– Да я уж и так читаю...

– Да знаю я, чего ты в своей жизни прочитал. Ну сколько книг ты осилил, самурай?

– Три! – гордо воздев палец к небу отвечивал Мисима.

– Ага, – съязвила Азэми, – букварь, вторую и зеленую, да? Иди лучше мусор выкини!

И в этот момент Мисима изрек фразу, которая заставила Азэми вновь почувствовать гордость за мужа и преподносимые ему уроки.

– Правильно говорить утилизируй!

Она аж выдохнула с умилением, сложив на груди руки. Но Мисиме было не до ее умилений. В голове его зародилась мысль о необходимости еще более расширить свои интеллектуальные горизонты.

Кэзуки-сан был известным деревенским мудрецом. Он слыл умным и просветленным человеком, и многие даже приписывали ему некие колдовские свойства – но во многом не из-за его блистательного ума, а из-за того, что он нигде и никогда не работал, но при этом жил в неплохом достатке. У него и решил поучиться Мисима. Умному самураю не нужно долго искать повода, чтобы появиться на пороге дома даже столь влиятельного человека и завести разговор на интересующую его тему...

– Кэзуки-сан, – начал Мисима, встреченный на пороге неодобрительным взглядом хозяина.

– Чего тебе, Мисима-сан? Говори скорее, sake остывает...

– Понимаю важность твоего церемониала, но гайдзины из колхоза интересуются твоим мнением об их работе и осведомляются, не желаешь ли ты проявить самурайскую стойкость и терпение при выпасе деревенского скота?

– Не хочешь ли ты сказать, Мисима, что колхозу нужна помощь Кэзуки?

– Именно так, доно, – Мисима учтиво поклонился хозяину. Тот улыбнулся.

– Не могу отрицать того факта, что подобные предложения давно уже не рассматриваю и вовсе, плевал я на труд гайдзинов, недостойных моего взора... Однако, по глазам твоим вижу иную цель твоего прихода...

Мисима вновь поклонился, еще более учтиво, чем в первый раз.

– Об уме твоем легенды ходят, Кэзуки-доно. Твоя образованность и тактичность не знают границ, а у меня почти начисто отсутствуют. Не мог бы... не изъявил бы ты своего высокочтимого желания обучить меня хотя бы малой части того, что знаешь сам, дабы жизнь мою и всех окружающих сделать более насыщенной и яркой, чем теперь, когда она являет собой лишь мрак и серость?

– Похвально желание твое, Мисима-сан, – одобрительно кивая головой, говорил Кэзуки. – И очень высоки его мотивы. Однако, как всякий ученик, ты должен понимать, что я потребую от тебя взамен.

– Я готов дать тебе все, что имею.

– Мне нужно лишь твое внимание, тишина и принятие всего того, что я буду тебе говорить, как истины и единственного правильного в жизни закона. Готов ли ты принять учение мое за истину, единственную и непреложную?

– Готов, Кэзуки-доно.

– Тогда начнем с самого простого. Для начала раздели с учителем трапезу, ибо в процессе ее души разговаривают друг с другом на некоем высоком языке, который человеку неведом.

С радостью принял Мисима приглашение учителя. Пили sake. Ели виноград и осьминогов с рисом. Кэзуки курил и делился с Мисимой основами поведения в обществе:

– Для начала запомни, что не так важно количество премудростей и слов, которые открылись твоему мысленному взору, как умение пользоваться ими.

– Что значит это, о Кэзуки-доно?

– А то, что кроме тебя мало кто чего здесь знает. А потому употреблять те или иные выражения попервах можно без разбору и точного понятия, подходит сюда то или иное слово или не подходит.

– Но как же быть, если тот, с кем ты говоришь, поймет и узнает истинную суть сказанного?

– Тогда, во избежание позора, который он может тебе доставить, его надлежит засыпать еще большим количеством слов и выражений, смысл которых ему действительно неизвестен, и тем самым ввести в окончательное заблуждение.

Несмотря на очевидную абсурдность сказанного, мысль эта безумно увлекла Мисиму и показалась ему поразительно верной и как нельзя более подходящей к облику высокоинтеллектуального человека. Может быть, алкоголь в его крови возымел свое действие, а может быть включился старый и хорошо всем известный закон, согласно которому чем абсурднее и неправдивее ложь, тем охотнее воспринимает ее слушатель, свято веруя в ее истинность и непоколебимость.

Так или иначе, следуя этому закону Мисима просуществовал целую неделю. Не находясь временами что ответить – в споре с ронином, беседе с сегуном или баталии с женой – применял он малопонятные выражения направо и налево:

– Делегируй Степанычу, чтоб девайс с трактора на МТС принес, будем дефектоскопию делать... Сублимированное топливо сегодня юзайте всей бригадой, дэтэшка кончилась... Паблсити вывесили в красном уголке последний мессидж председателя...

И так далее.

И вот в один прекрасный день, по традиции принимая урок своего умудренного опытом и разумом учителя, Мисима обратил внимание на использование им в разговоре жаргонизмов.

– Да бубу он пэцает!.. Пусть трясется!.. Давай пойдем,.. – говорил кому-то Кэзуки-сан по телефону. Заинтересовался Мисима новыми словечками из богатой и колоритной речи нового друга и наставника.

– Что значат все эти выражения, что говорил ты сейчас, о, учитель?

– В заточении за правду и справедливость провел твой учитель несколько лет, будучи юнцом. – «Да я на малолетке за гоп-стоп чалился». – Там обучили меня мои мудрые учителя тем словам, что словно щит огораживают твою тонкую душевную организацию от негативных воздействий окружающей среды. – «Там на фене ботать и насобачился, чтоб мусора не вкуривали, за что базар».

– Не будут ли резонировать фразы эти с тем интеллектуальным образом, что вырабатываешь ты во мне? А перенять мне их придется – как ни крути, – ибо принцип следования учителю во всем я свято усвоил...

– Думаю, что фразу эти будут только к лицу такому славному воину, как ты. Ибо нет среди окружающих тебя нечестивцев тебе достойного, а в отсутствие меж ними понимания смысла сказанного тобою будут они и этому рады как манне небесной.

О, как много смысла в этих словах, подумал Мисима, осушая кубок с sake за здоровье своего учителя. И следующим же днем стал бросаться столь быстро полюбившимися ему выражениями, подчас употребляя их ни к селу, ни к городу.

– Мисима-сан, сегун велел на подработку в выходные выйти...

– После его недавнего демарша насчет премии трясет Мисима-сан на работу, – горделиво отвечает самурай.

– Мисима-сан, не стану я управлять машиной, что не починил ты в свое дежурство!

– Трясись, – бросает он походя, оставляя собеседника с непониманием в душе и огромной дырой в сердце.

– Мисима-сан, сдавай деньги на подарки на Новый Год! – требует главный бухгалтер Игорь Юрьевич.

– Бубу пэцайте, Игорь Юрьевич...

– Чего?

Осерчал Мисима-сан – экий безграмотный гайдзин, с первого раза не понял. И стал с остервенением повторять излюбленную фразу, многократно опробованную на Аэми и приводившую ее всегда в какой-то животный трепет перед мужем.

– Бубу пэцайте... бубу пэцайте... бубу пэцайте... бубу пэцайте...

Не знал храбрый самурай, что Игорь Юрьевич те же университеты проходил, что и наставник его, а потому понимал язык, на котором сейчас с ним разговаривали. А также обладал властью, и мог наказать бесстрашного Мисиму рублем. И так и поступил...

Без премии пришел Мисима-сан домой. По взгляду его Аэми давно научилась понимать, что у мужа неприятности. Но потеря некоей суммы йен не столь печалила поэта, как печалило его непонимание – ведь он нес разумное, доброе и вечное... Отчего же так невежественны люди, что не увенчалось его начинание успехом?..

Однажды Мисима решил попить чаю. Однако, что для самурая чай? Ведь не просто напиток или времяпрепровождение. Это – целая церемония, о которой он так много читал в любимой книге любимого автора. И потому решил самурай осуществить ее в стиле, подobaющем достойному.

Отыскал в одной из старых газет, что обыкновенно Азэми складировала на балконе, рецепт зеленого чая для чайной церемонии в китайском стиле (плохо понимая различие между японской и китайской церемониями), который гласил: «В фарфоровой ступке или другой не окисляемой посуде растереть до состояния тончайшей пудры 100—120 г зеленого чая. Полученный порошок засыпать небольшими порциями в разогретый до 50—60° С маленький заварочный чайник на две небольшие чашки, сопровождая каждую порцию несколькими каплями горячей воды и взбивая настоем специальным бамбуковым венчиком-кисточкой. Всего на данную норму заварки используется 2—3 ст. л. кипятка. Примечание. В чай можно добавить 2—3 капли настоянного на спирте или водке женьшеня».

Зеленый чай найти было трудно – в глухой деревеньке о нем имели самое смутное представление. И тогда Мисима решил пойти на хитрость – вместо зеленого чая он решил добавить в изобилующий дома черный немного зелени. Совершив это действие, самурай убедился, что получившаяся субстанция имеет зеленый окрас, а потому вполне соответствует тем представлениям о зеленом чае, что сформировались у него за его недолгую жизнь. На роль бамбукового венчика – кисточки вполне сошел его аналог из чилиги. А вот с женьшенем дело обстояло совсем просто – его у Азэми было великое множество, чуть ли не все подоконники были заставлены цветочными горшками с растениями, которые, по мнению Мисимы (правда, до сегодняшнего дня) совершенно не представляли никакой ценности. Сегодня же самурай понял, что женьшень вовсе не так уж и бесполезен, как ему казалось ранее. Смешав его побегом с водкой, спрятанной от Азэми в надежном месте, Мисима добавил все в раскаленный чайник, размешал как предписывала инструкция и стал ждать появления Азэми с работы, ибо негоже самураю одному предаваться чайной церемонии.

Перешагнув вечером через порог дома, Азэми была крайне удивлена, увидев мужа расхаживающим в халате взад-вперед и вззирающим на нее какой-то особенно самодовольной улыбкой на иссиня-красном лице. В воздухе стоял аромат водки, терпкий запах полыни (добавленной вместе с петрушкой и укропом в адскую смесь, подогреваемую храбрым самураем), а по всему дому были разбросаны остатки чилижного веника. В голове Азэми начали складываться мрачные картины событий, происходивших здесь некоторое время до ее появления.

– И что?

– Что?

– Что тут творилось? Что это за вонь?

– Пить бросаю.

– Опять? – Азэми привыкла к подобным обещаниям супруга, но верить им была не склонна – слишком часто исполнение их в последнее время срывалось.

– Дура... Тут все серьезно.

– Да ну? Как в прошлый раз?

– Серьезно, тебе говорят. Вот, – Мисима извлек из кармана халата газетную вырезку, в точном соответствии с которой, как ему казалось, он подготовился к чайной церемонии и стал размахивать ею перед лицом супруги. Она выхватила ее из его рук и стала внимательно читать.

– И что ты хочешь сказать?

– Что настоящему самураю подобает пить только чай. И я буду это делать отныне и вовеки веков.

– Ты серьезно?

– И потому я приглашаю тебя, о досточтимая жена храброго воина Императорской армии Японии, к чайному столу.

Азэми вслед за мужем прошествовала на кухню, где по пиалам уже был розлит свеже-сваренный Мисимой «чай».

– Садись, пробуй.

– Может, не надо? – опасливо пробормотала Азэми, поднося пиалу с «чаем» к лицу и вдыхая источаемый ею аромат.

– Пробуй, тебе говорят.

Первые несколько глотков убедили Азэми в правильности ее первоначальной точки зрения. А потому вскоре оставшееся содержимое полетело Мисиме за шиворот, а попавшая под горячую руку самурайской жены пиала – в угол, откуда живой уже не вернулась.

– Дурак!

– Сама дура! Не понимаешь нихера в чайных церемониях, так и молчи!

После сорвавшегося церемониала Мисима покинул дом. Азэми же, немного поразмыслив и посоветовавшись с мамой, достала сгоряча скомканную газетную вырезку из помойки и стала внимательно ее изучать.

«А что, если он и впрямь хотел зеленый чай сделать? Может, зря я на него так сорвалась?» – такие светлые мысли посетили голову супруги самурая в минуты одиночества. И тогда она решила для себя помочь мужу в его благом но таком непростом начинании.

Весь следующий день она посвятила походам по рынку, всем сельмагам (а их было в селении целых три) и даже подругам в поисках необходимых ингредиентов. Поиски ее щедро были вознаграждены небесами – уже вечером она, озаренная довольной улыбкой, явилась домой с полными сумками всех составляющих той самой церемонии, о которой Мисима мечтал, но осуществить которую по понятным причинам не сумел.

До глубокой ночи супруги вместе приготавливали все составляющие. Первый блин, по традиции, оказался комом, но они не сдавались – и к трем часа ночи китайская чайная церемония была ими подготовлена и выполнена по всем канонам пожелтевшей газетной статьи. Довольные и утомленные кулинарными изысканиями, супруги легли почивать. Правда, Мисиме в глубине души хотелось бы, чтобы процентное соотношение воды и водки во вновь приготовленной ими субстанции оказалось чуть измененным, но расстраивать супругу своими низменными побуждениями лишний раз самурай не стал – в конце концов, подумал он, пить давно пора было бросить. Как знать, быть может именно этот случай и станет для него судьбоносным.

И может быть не таким вкусным был собственно зеленый чай, как приятны были последствия этой задумки Мисимы – новое увлечение сплотило их с супругой до такой степени, что каждый из них вечерами стал стремиться домой как на праздник. В новинку оказалось им это занятие. Они видели в нем нечто настолько новое и увлекательное, что все прошлые методы времяпрепровождения стали казаться уже какими-то рудиментарными, архаическими и, впрочем, не стоящими такого внимания, как их совместные чайные церемонии. Каждую ночь Мисима засыпал одухотворенный и добрый, а Азэми, лежа рядом с ним, долго ворочалась и благодарила Господа за то, что послал наконец их браку долгожданное оживление и новую тягу супругов друг к другу.

Однако, вся приятность этого занятия была несколько омрачена тем, что занимались они этим вдвоем. И сама Азэми, бывшая женщиной гостеприимной и радушной, стала скупать по дружеским визитам, и ее подружки стали высказывать ей недовольство по поводу ее с мужем длительного отсутствия в жизни каждой из них. И однажды вечером Азэми решилась предложить Юкио пригласить на церемонию нескольких ее подруг.

– Послушай, о Хираока-сан, быть может мы пригласим Каяо и Кеико на нашу сегодняшнюю ежевечернюю церемонию? Они очень ждут нашего с тобой к ним внимания...

Не порадовало самурая данное предложение.

– Они женщины не высоких моральных качеств, стоит ли посвящать их в таинство церемонии?

– Ну пожалуйста, муж мой. Я очень прошу тебя. Ведь их мужья горькие пьяницы и ронины, и потому я особенно хочу продемонстрировать им наш счастливый брак и его прелести.

Не в силах был самурай отказать жене. Хотя и помнил о том, что залог счастья любой семейной пары состоит главным образом в том, чтобы не выставлять напоказ их совместную жизнь, их быт и взаимную любовь. Однако, верх над здравым смыслом взяла любовь к жене...

Каяо и Кеико пришли, принеся с собой sake. Плохо Мисима отреагировал на такой подарок.

– Нечего в доме достойного и добропорядочного воина делать этому малопочтенному напитку, годящемуся разве что для бездельников и гайдзинов.

Удивились женщины – их мужья не отличались таким благонаравием. И потому с большим удовольствием убрали подарок обратно в сумку.

Сели за стол. Стали пить чай. Женщины смеялись. Мисима же был насторожен – он все ждал от этих аморальных девиц какого-нибудь выпада в адрес Азэми. Но его в продолжение вечера так и не последовало – все они были веселы. Говорили друг другу приятности и даже по временам восхищались Мисимой и его стойкостью, достойной самого что ни на есть мужественного и храброго воина. В такой обстановке под конец вечера настроение Мисимы улучшилось, он даже несколько поменял мнение о подругах жены и стал поддерживать их веселые беседы, одобрительно поглаживая Азэми по упитанным телесам.

Затемно Каяо и Кеико ушли из гостей. А придя домой, каждая говорила своему супругу так:

– Совсем Орловы с ума посходили. Пить завязали, чай хлебают. Довольные сидят. Ладно бы Колька – за ним такое давно водится. Да тут еще и Надя как оглашенная с ним. Говорят белиберду какую-то, слова какие-то нерусские. Как бы психушкой тут не запахло.

Мисима же, не слыша таких неодобрительных фраз, был настолько воодушевлен утренним предложением Азэми, что решил дать ему новую жизнь.

– А давай завтра пригласил моих друзей, Нигицу-сан и Оаке-сан. Пусть тоже посмотрят на то, как живет настоящий самурай.

– Давай, Хираокушка. Как скажешь, родной, – улыбаясь во весь рот и обнимая сублительного супруга, шептала Азэми.

Сказано – сделано, и уже вечером следующего дня приятели самого Юкио стали их с Азэми гостями. И тоже улыбались, но как-то уже менее наигранно и с большим недоумением на лицах. А вечером повторилось то же. Встав на углу у пивной, Нигицу и Оаке обсуждали вечер в компании поэта и его жены.

– Подвинулся совсем Колек. Мало того, что сам не пьет, так еще и других чаем поит. И жена с катушек съехала.

– Вот-вот. Говорил я ему тогда, бей бабу молотом, будет баба золотом. Не послушал, эх...

– А мне другая мысль пришла.

– Какая это?

– Знаешь, как говорят? Тот человек, который не пьет, или больной или падлюка...

– Ну это не про нашего Коляна! Он вроде нормальный паренек, добрый...

– Вот и я о том...

– О чем? Думаешь, больной?

– Ага, на голову...

Так в деревне зародилась мысль о мягко говоря «необычности» Мисимы. И, по злой иронии судьбы, дальнейшим событиям суждено было подтвердить ее...

Однажды Мисима поехал в командировку. Да и командировкой-то это было назвать весьма сложно, просто соседнему колхозу понадобился механизатор по причине застоя собственного кадра, и утром Мисима отправился в дорогу. Возвращаться обратно предстояло так же пешком, а путь был неблизкий – километров 10, нехстати разошедшийся весенний дождь порядком размыл и без того не совершенную дорогу, и в темноте его следование могло быть осложнено. А потому Мисима, пригубив с шоферами-колхозниками добрую поллитру самодельного sake, предпочел остаться на ночлег в гостях, чтобы утром со свежими силами и на свежую же голову возвратиться в родные пенаты.

Тем же вечером, узнав о командировке мужа, в гости к Аэми пришел Нигицу-сан.

– Ты? – она была немало удивлена, увидев его на пороге.

– Я, – тот залихватски покрутил невидимый ус и улыбнулся во весь рот. – Так и будешь на пороге держать? Гляди, соседи увидят, греха не оберемся.

– Заходи, только быстро, – сказала она, запуская нежданного гостя и озираясь перед дверью в попытках отыскать взглядом какого-нибудь нежелательного свидетеля.

Давняя школьная дружба связывала Аэми и Нигицу. Они учились в одном классе, и понятное дело, что на выпускном объяснились друг другу в чувствах не только словесно. Затем Нигицу ушел в армию, и Аэми встретила Мисиму – совсем тогда еще юного парня, слушателя школьных курсов. Мужское достоинство Мисимы не уступало тому же показателю Нигицу-сана, а потому Аэми, недолго думая, отдалась ему, вскоре после чего почувствовала первые признаки беременности. Ждать времени не было, и они зарегистрировали брак. Уже позже выяснилось, что то, что Аэми приняла за беременность, было всего лишь алкогольной интоксикацией... Как же плакала и сокрушалась Аэми о своих впустую растраченных чувствах! Но разводиться было уже не впору – Нигицу тогда встретил свою Мицумо, и о возвращении к былой любви не помышлял. Так они и жили. Аэми ввиду раннего аборта не могла иметь детей, и Мисима от души потешался с ней по ночам. А Нигицу, периодически напиваясь, вспоминал свою былую любовь – но, как это часто бывает, не по причине сохранившихся чувств, которых, к слову сказать, и не сохранилось, а в целях восстановления некоей исторической и социальной справедливости. К несчастью, такое случается в жизни очень часто – мы желаем кому-то отомстить, используя в качестве инструмента мести чувства другого, не подозревая в то же время, что, вступая в игру, мы автоматически принимаем ее правила. Начав играть с чувствами другого, ты непременно задействуешь в этом и свои собственные чувства. И когда игра закончится, другому, может, и будет хуже, но его боли ты не почувствуешь – а вот от своей спасу точно не будет.

– И чего приперся? – ласково улыбаясь, спросила своего гостя Аэми.

– День рождения у меня, – ставя на стол бутылку sake, отвечал Нигицу.

– Врешь, у тебя же в феврале...

– А сегодня второй...

– Какой еще второй?

– Вот до чего ты нелюбопытная... Всю жизнь меня любишь, а толком ничего про меня не знаешь...

– Ой, брось ты заливать! Кто это любит-то? Может, ты по мне вздыхаешь?

– Дак это... Оба...

Аэми раскраснелась. В воздухе повисло молчание. Вскоре она прервала его.

– Чем заливать, лучше наливай!

Нигицу дважды просить не пришлось – и уже спустя секунду оба морщились от терпкого привкуса самостоятельно приготовленной другом мужа sake.

– Так чего ты там про день рождения нес?

– Я ж ведь когда в армии служил, гонщиком был. Так вот как-то раз сажусь я значит за руль, рядом штурман мой... Гоним... сто, сто пятьдесят, двести... Внезапно в машине патрубок лопается, грохот, мы в кювете. Я глаза открываю – а на пассажирском сиденье труп...

Нигицу безбожно врал. Но делал это с таким выпендренным и пафосным выражением лица, что даже искушенный слушатель мог поверить ему.

– Я с тех пор и запил-то так зверски. Считай, что родился второй раз...

Азэми от ужаса прикрыла рот рукой.

– Да ладно тебе?

– Отвечаю. Гадом буду, – отмахнулся Нигицу, вновь наполняя стаканы. Снова выпили.

Нигицу продолжал.

– А ты знаешь, я иногда думаю, что лучше бы я тогда вместо Васьки-штурмана разбился.

– Типун тебе. Чего это ты?

– А нахрена мне все это надо-то было без тебя?

– Что – все?

– Ну, жизнь, работа, армия, семья... Зачем? Когда тебя нет, то и жизнь не мила...

– Скажешь прямо, жизнь не мила...

– Говорю тебе – иногда просыпаюсь, а жить неохота. Ни на работу идти, ни делать ничего не хочу. Даже пить – и то не хочу, – при последних словах он воздел палец к небу так, словно предметом разговора был Его Величество Император. От важности сказанного Азэми изумилась – она знала истинное значение sake в жизни Нигицу, и потому такую его жертву не могла не оценить по достоинству. Видя ее реакцию, собеседник стал петь Лазаря пуще прежнего, а веки его начали влажнеть.

– Это ведь мы, грешные люди, таракашки земные, обмануть друг друга можем, – говорил он, стуча ребром ладони по столу, – а ведь Бога-то не обманешь, Он все видит. Видит, как мы мучаемся тут друг без друга. Ну? Разве не так? Ты без меня, а я без тебя?! Так ведь не должно быть! Не должно, не должно слышишь... – Нигицу зарыдал крокодильими слезами и уронил плачущую голову на большую грудь Азэми. Она с сожалением и трогательной нежностью, воскрешая в памяти картины былой любви, стала гладить его по затылку, приговаривая всякие нежности. И на минуту ей показалось, что не было всех этих почти двадцати лет, не было разлуки, не было никаких взаимных подлостей и гадостей. Он показался ей по-прежнему таким же красивым... и даже наверное еще красивее, чем раньше. Она взяла его лицо своими мягкими и сильными руками и притянула к себе. Они слились в поцелуе, и сами не заметили, как это прикосновение губ унесло их на вершины блаженства, где людям свойственно забывать о времени, о приличиях, о законах – обо всем на свете...

И, конечно, о нехстати уехавшем и еще более нехстати вернувшемся муже. Сознание вернулось к Азэми, когда она увидела его с занесенным над ней и спящим кверху задом Нигицу топором в дверях супружеской спальни.

Она неистово вскричала.

– Не ори, дура, – резким и не терпящим возражений тоном парировал Мисима. И хоть она была крупнее и сильнее его в разы, но сейчас уверена была, что, доведенный до отчаяния картиной увиденного, он способен оставить и от нее, и от ее нерадивого любовника рожки да ножки. Последний тоже быстро среагировал на крик. Оторвав лицо от подушки и дыхнув на Азэми перегаром, он промямлил:

– Чего орешь?

Ответить ему она не могла, только размахивая руками и издавая какие-то нечленораздельные звуки. Он повернул голову и увидел Мисиму в полной боевой готовности.

– Колян, ты чего? Мы это... Ты не подумай, мы не того...

– Я считал тебя другом, Нигицу-сан...

– Да все нормально, ну с кем не бывает, бухой я был, вот и затащила она меня... Сам же знаешь, сука не захочет, кобель не вскочит...

В мгновение ока былой флер слетел с глаз Азэми. Она окинула бывшего возлюбленного пронизывающим взглядом и, не говоря ни слова, нанесла ему несколько настолько сокрушительных ударов сжатыми и напоминающими молоты руками, что тот махом свалился с кровати и ретировался с поля боя уже на карачках.

Проводив его взглядом, Нигицу бросил топор и плюнул себе под ноги.

– Милый, – с криком бросилась Азэми ему в ноги и стала обнимать колени супруга. Он брезгливо отмахнулся от нее:

– Уйди, дура...

До вечера самурай где-то бродил. Потом вернулся. Отужинал. Выпил. Спать лег в соседней комнате – слишком свежи были еще воспоминания о провинности Азэми, да настолько, что всю следующую неделю они и вовсе не разговаривали. Но время, как известно, все лечит, а потому очень скоро отношения супругов вошли в прежнее русло. Конечно, треснувшую чашку не склеишь, и между ними уже никогда не будет той необыкновенной теплоты, которая была когда-то, но худой мир лучше доброй ссоры, а потому ни одного из них не могло не радовать наконец воцарившееся долгожданное примирение между ними.

Однако, общественное мнение было иным.

Все так же, стоя на углу у пивной, спустя пару недель после инцидента, Нигицу и Оаке обсуждали сложившуюся в браке ситуацию.

– Нет, ну ты понял?... Я ее трахнул, а он простил...

– И что? – Оаке сегодня был особенно пьяным, и потому ему сложно было следовать той логической цепочке, что выстраивал его собеседник, с такой же фантастической скоростью. Нигицу же – как мы ему и предсказывали ранее – своей глупостью здорово поранил свои собственные чувства, а потому теперь особенно злобствовал при виде счастливых (или старающихся произвести впечатление таковых) супругов, заливал свою злобу алкоголем и вообще вел себя крайне неподобающе.

– А ты не понимаешь?

– Нет.

– Ну ты бы простил?

– Кого?

– Ну если я твою бабу нашампурил, ты бы ее простил?

– Ее-то может и простил бы, а тебя бы убил!

– А за что меня убивать?

– Так ты ж ее нашампурил!

– А как же народная мудрость? «Сучка не захочет, кобель не вскочит».

Оаке задумался.

– Ну вообще-то да...

– Ну вот. А если простил, что это значит?

– А что?

– Что больной он на голову! Дурачок он! Шизик натуральный! А то и для общества опасный – видал я его с топором в то утро... Жуть!

Оаке ответил молчаливым согласием. И с тех пор, после таких двух несуразнейших поступков, население деревни стало считать Мисиму сумасшедшим. И впрямь, вести себя

так могут только сумасшедшие. Только они забывают простую истину: «С волками жить – по-волчьи выть».

Часть вторая. С чего все начиналось

Однажды Мисима зашел в туалет. Да, все началось именно с этого. Вернее, конечно, не с этого, а с того, что несколькими часами ранее зашел в тот же туалет Крис Сякамото. Он уже несколько месяцев кочевал по России на своем мотоцикле, совершая вояж от Камчатки до Калининграда с целью изучения географии, природы и культуры нашей удивительной страны...

... – Как, говоришь, фамилия?

– Сякамото, – отвечал переводчик, вызванный по такому случаю из области.

– И что, говоришь, он в нашей глуши забыл?

– Путешественник.

– Откуда?

– Из Японии.

– Так она ж на островах. Как он на мотоцикле-то сюда попал?

– Самолетом перевез мотоцикл на Камчатку, а потому своим ходом сюда...

– Далеко забрался. А зачем?

– Изучает географию, культуру, природу там...

– Хе! – хмыкнул дознаватель райотдела полиции, которому поручено было расследовать дорожно-транспортное происшествие с мотоциклом японца, некстати встретившимся с пьяным водителем ЗИЛа – кстати, из того же колхоза, где работал Мисима-сан. – И чего тут изучать?

– Ну как... Поля, леса...

– Лесов тут давно нет, вырубил все подчистую. Реки обмелели, на полях даже в самые урожайные годы по три былинки вырастают... Станный народ эти... – Он хотел было сказать «европейцы» и заодно припомнить им гомосексуализм, но вдруг вспомнил, что Япония – не Европа, и, не найдя ничего лучше, ляпнул: – Нерусские.

– Он спрашивает, что будем делать?

– Протокол составлять, чего ж еще, – дознаватель нехотя потянулся за ручкой и бланком протокола.

– А дальше чего?

– А дальше ничего. Как говорится, не задерживаю. Получит под расписку свое транспортное средство, и может дальше изучать географию и биографию...

– Так оно же в непригодном состоянии!

– А я тут при чем? Я ему, что, автомастерская? Как, говоришь, фамилия?..

Заполнение протокола оказалось для Криса Сякамото таким долгим и нудным занятием, что по его окончании не привыкшему к такому бюрократизму японцу срочно потребовалось в туалет. По счастью, надежный способ скоротать время в виде книги знаменитого японского писателя Юкио Мисима был у него с собой. Оставшись наедине с великим японцем в нужнике, Крис погрузился в атмосферу Японии начала XX века, когда воины Императорской Армии Японии не понаслышке знали, что такое благородство и честь самурая, как с честью и достоинством нести свой долг и защищать свое Отечество...

Не может храбрый самурай смириться с тем, что его друзья – такие же храбрые воины – устроили мятеж в воинской части, в которой служат. Не разделяет он их взглядов, которые блещут своим консерватизмом как настоящий самурайский меч при отблесках солнечного света. И еще более огорчает его то, что он должен участвовать в подавлении этого мятежа, а, значит, убивать своих мятежных друзей, пусть даже и во славу великого императора Хиро-

хито! Как тяжелы страдания и переживания, испытываемые героем! Как борется самурайский долг с пожеланием совершить ритуальное самоубийство!..

Увлечшись чтением, японец сам не заметил, как засунул. А проснулся он оттого, что дверь нужника сотрясалась под страшными ударами вызванного из области переводчика Кулакова.

– Сякамото-сан, надо поговорить с виновником аварии, – по-японски произнес переводчик, когда Крис открыл ему дверь. – Только скорее, прошу Вас.

В спешке выскочил Крис Сякамото из деревенского туалета, позабыв там книгу любимого писателя.

Дознаватель в кабинете председателя колхоза в эти минуты допрашивал едва протрезвившегося водителя большегрузного автомобиля, по вине которого случилось происшествие с мотоциклом японца.

– Ну и? Сколько выпил-то, спрашиваю?!

– Две поллитры.

– А с кем пил?

– С механизатором нашим, с Коляном Орловым.

– И куда ехали?

– За самогоном, – виновато, опустив глаза в пол, отвечал водитель.

– Настолько шары залил, что мотоцикла не увидел?

– Да он шибко ехал больно. И прямо нам навстречу. Мы объехать его решили, да вот вишь как получилось...

– Как?

– Ну мы-то повернули, чтоб объехать, а он видать тоже объехать решил и тоже повернул, ну и опять навстречу получилось... И вот...

– Вот... А если бы он умер от удара? Ну ты представляешь, что такое ЗИЛ и что такое японский мотоцикл? Я удивляюсь, как от него вообще еще хоть что-то осталось!

– Ну не умер же.

– Ну это понятно. Я говорю, а если б умер?..

– Жалко было бы...

– А жену свою тебе не жалко?

– А чего ее жалеть, бей бабу молотом, будет баба золотом...

– А того, что я тебя сейчас арестую, потом суд, влепят тебе трешник за милую душу, так кто семью-то кормить будет?!

Приздумался Василий. Почесал репу.

– Так за что ж трешник-то?

– За порчу имущества, за езду в пьяном виде, за нанесение телесных повреждений гражданину Японии...

– Подданному, – поправил дознавателя переводчик, стоящий в дверях вместе с мистром Сякамото.

Дознаватель осекся, и прошептал Василию на ухо:

– Проси его, мудила, чтоб он тебя простил, иначе не видать тебе света белого года три, а мне отпуска, пока я с твоим гребаным делом не раскидаюсь... – И добавил, обращаясь уже к японцу: – Мистер Сякамото, этот человек признается виновным в ДТП с участием Вашего мотоцикла. Можете предъявить ему свои претензии, а также инициировать уголовное дело в его отношении.

– Что ему грозит? – осведомился японец. Переводчик перевел.

– До трех лет лишения свободы.

Задумался Крис. Никогда самурай не стал бы обижать человека, оказавшегося в заведомо бессильном положении по отношению к нему. Глаза и вообще весь внешний вид этого

человека, еле живого от пьянства, что по ошибке было истолковано японцем как глубочайшая степень раскаяния, однозначно говорили ему, что, встретиться они с ним в равном положении на поле боя, то самураю следовало бы храбро принять бой. Но здесь, в кабинете жандарма, ни о каком бое не могло быть и речи. Высокая самурайская честь говорила ему о том, что только прощение и отдача были наилучшим вариантом поведения для него в эту минуту.

– Я не имею к этому господину никаких претензий за исключением починки моего мотоцикла.

Переводчик снова перевел текст. Василий и дознаватель просияли.

– Так это мы мигом сладим, – обрадовался водитель.

– Вот и отлично, – разделил его радость дознаватель. – Теперь давай, подписывай протокол, плати полторы тыщи штрафа в доход государства и пошел вон с глаз моих.

– За что полтора косаря? – возмутился водитель.

– За нарушение ПДД. Мы что тут все, зря работали? Нет уж, хрен тебе. А если не хочешь платить – сейчас в камеру затолкаю, пятнадцать суток схлопочешь за сопротивление моему законному требованию. Подписывай, дурак, тебе говорят!

Поворчал Василий да и подписал. Мисима же, а тогда еще Николай Орлов, стал случайным свидетелем этого разговора – он стоял в предбаннике кабинета председателя в конторе колхоза и подслушивал, о чем же говорят дознаватель и его давешний собутыльник. И в итоге разговора его так воодушевили слова японца, проявившего неслыханное в здешних местах милосердие к человеку, лишившему его транспортного средства и некоей части здоровья, что не удержался Николай и от умиления и переизбытка эмоций побежал в туалет. А, засев здесь за обдумывание всего происходящего, он поневоле обратил внимание на книгу, оставленную еще недавно японцем. Взял ее в руки... Поначалу имя Юкио Мисима (в скобках было указано настоящее имя великого писателя – Хираока Кимитакэ) ни о чем не сказалу Николаю... Но стоило ему открыть первую страницу и вчитаться в то, о чем там говорилось, как весь его внутренний мир, накопленный за тридцать без малого лет собирания шишек и камней, в одночасье рухнул и заменился миром иным – благородных самураев, преданных гейш, отважных ронинов, ароматной сакуры и теплого, согревающего сердце и душу саке...

Узнал Николай из этой книги много удивительных фактов, но более всего запомнилось ему, что самураи – легендарные воины и, возможно, самый известный класс людей в древней Японии. Они были благородными бойцами и боролись со злом (и друг с другом) при помощи мечей и ужасающего внешнего вида, следовали строгим моральным правилам, которые управляли всех их жизнью да и смертью тоже. Новое Николай открыл для себя слово – харакири, что значит ритуальное самоубийство. Никогда прежде он таких чудных и манящих одновременно слов не слышал...

От увлекательного чтения описания способа долженствующего самураю ухода в мир иной Николая отвлек крик Васьки, вываливающегося из конторы под одобрителное улюлюканье толпы зевак, обступивших крыльцо. Выйдя из нужника, Николай увидел шедших в обнимку японца и Василия.

– Смотри, Колян, во мужик! – восклицал Василий. – За меня штраф заплатил.

– Какой?

– За нарушение ПДД.

– Ну и дела... – присвистнул Николай. В руке он сжимал оставленную японцем книгу – на бумажки разорвут, сметливо решил он, и в целях своего личностного роста решил-таки спасти произведение искусства от деревенского варварства. – А что с мотоциклом-то делать будешь?

– Починим. Сейчас выпьем да починим...

Десять дней проживал Крис Сякамото в доме Василия Чебышева. Пили, кутили, веселились. Пока наконец от жены Криса не пришла гневная телеграмма, содержащая обеспо-

коенность за мужа, и не заставила его вернуться в родные пенаты самолетом. Мотоцикл был оставлен японцем Василию в расчете на его совесть и качество починки, однако, спустя неделю после отъезда мистера Сякамото, был сдан нерадивым шофером в металлолом в поисках денег на бутылку. Так, казалось бы, бесславно кончилось путешествие славного японца по не менее славной стране. Но вместе с этим началась славная, новая, удивительная история уже не Николая Орлова, а храброго самурая и поэта, сидевшего все эти годы глубоко внутри него и только сейчас начавшего набирать высоту своего полета.

Однажды Мисима думал. Он часто предавался размышлениям, восседая на нужнике и оправляя естественные надобности. Сам процесс этот словно бы располагал нашего героя к размышлениям на всевозможные житейские темы. Но сейчас тема для его размышлений была философской. Он, продолжая предаваться чтению – что делал медленно и слабо ввиду отсутствия навыков, – размышлял о культуре самурайства в Японии. Ему словно бы виделись все картины, о которых писал японский писатель. Вот, облаченный в шикарные доспехи Ода Нобунага возглавляет блистательный строй вооруженных до зубов самураев, каждый из которых в любую минуту готов отдать жизнь за своего сюзерена в тяжелой битве при Окэхадзама. Вот он, простой русский труженик, словно бы слышит воинственный клич Нобунаги, замирает от звона внезапно выхваченных из ножен длинных самурайских мечей, вдыхает пыль, поднимаемую в воздух огромными и сильными конями армии сегуна, вглядывается в ужасающие маски, которыми спрятаны лица латников, и сам словно бы проникается самой атмосферой битвы, самой сутью существования самурая – достойного сына своей земли, познавая историю чужой и доселе неведомой для него страны, вчитываясь в каждое слово великого писателя. И эти малопонятные буквы, складываясь в еще более малопонятные слова, рождают внутри воспаленного сознания героя, ослабленного алкоголем и тяжелыми жизненными ситуациями, обстановку глубочайшего погружения в такие анналы истории, в какие погрузиться может не каждый ученый – ведь играют они на чувствах простого русского парня, в котором национальная идея самоотречения и битвы за государя таится с рождения; который с молоком матери впитывает доблесть и отвагу; который с первых дней жизни познает тягость борьбы и сладость победы...

«В мае 1560 года (3-го года эпохи Эйроку), после того, как Нобунага завершил объединение земель провинции Овари, в его владения вторглась 25-тысячная армия Имагавы Ёсимото, которая по количеству превышала силы Оды в 5, а по другим источникам – в 10 раз. Имагава был главой провинции Суруга. Силы Оды оказывали сопротивление, но их общее количество не превышало 5 тысяч человек. Авангард армий врага под командованием Мацудайры Мотоясу захватил ряд пограничных фортов.

Во время этой смертельной опасности Нобунага сохранял хладнокровие. Получив тайное сообщение о том, что главнокомандующий вражеской армии Имагава Ёсимото остановился передохнуть на холме Окэхадзама, он мгновенно собрал все имеющиеся силы, под прикрытием внезапного дождя обошел основные силы Имагавы и атаковал центральный штаб противника. Войска Имагавы не были готовы к бою и начали отступать. Войска Нобунаги продолжали бить отступающих. Во время погони гвардейцы Хатори Сёхэйта и Мори Синсукэ добыли голову Имагавы Ёсимото. Узнав о гибели главнокомандующего, остальные части войск противника поспешно отступили к провинции Суруга. Таким образом, силы Оды одержали блистательную победу, прославив его имя».

Что же понимал Николай из этих слов? На какие мысли они его наводили? Эти сложные имена – точно ни на какие. Даты – их он отродясь не запоминал, еще со школьной скамьи. Названия географических точек – те и давно говорили ему меньше, чем надписи на заборе. Но сама атмосфера, в которой творилось то, о чем писал классик японской литературы, сам дух отважной борьбы и главное – ледяное спокойствие, сохраняемое даже в минуту отчаян-

ной битвы японским правителем – вот это оказывало на психику Николая совершенно умиляющее и умиротворяющее воздействие. Он робел перед такими чувствами и задумывался вот о чем:

«Господи, – думал он, – ведь сколько же времени мы тратим на пустые эмоции...»

Поначалу он испугался таких мыслей – откуда в его голове появляются эти слова? Ведь, реши он рассказать кому-то о прочитанном в таком ключе, малограмотные сотоварищи его просто не поймут! Ах, да, вот откуда... Эта книга, эта волшебная книга открывает в нем неведомый мир высокого интеллекта и тонких познаний... Смотри-ка...

«А японский правитель... Как спокоен он в минуту рокового сражения! Как прекрасно это зрелище. Но отчего же он так спокоен? А оттого, что не страшит его смерть от рук неприятеля и не страшит даже угроза проиграть битву – тогда он всего лишь совершит ритуальное самоубийство, и сможет уйти, опять-таки не запятнав честь самурайского меча и кимоно... И, значит по всему получается, что вовсе и нечему в этом мире пугать...»

Может быть, он не думал буквально именно так – временами наш разум имеет свойство приписывать себе непривычные качества, возвышая самое себя в своих же глазах. Но общая канва рассуждений, их общий ход были именно таковы.

На секунду он вдруг вспомнил покойного отца – потомственного казака, в минуты сильного хмеля и порожденных им откровений учившего сына: «Казак ничего не должен бояться на этом свете!»

Так по юношеской горячности врезалась ему в память эта фраза, что он делился ею со своими товарищами по школьной скамье и детским вечерним играм на свежем воздухе. И в детских неокрепших умах фраза эта укоренилась и стала чем-то вроде заманчивого киношного девиза. А один из них, казах по национальности (так распространена была эта народность в местах, где обитал Николай Мисима), даже переиначил ее, присвоил и сам повторял на каждом углу: «Казах ничего не должен бояться на этом свете!»

Но Николаю было совсем не жалко этого плагиата, не огорчал он его. Напротив, он даже радовался, что сказанное его отцом слово получило продолжение... «Казак ничего не должен бояться...»

И в эти минуты подумал Николай о том, насколько близка ему культура истинного самурая. Смелость и выдержка были присущи ему с раннего детства, когда он смело, ни о чем не задумываясь и не опасаясь сурового наказания от горячего отца и властолюбивой матери, сознавался им в том, что вымарал дерьмом штаны, а, секомый розгами, только улыбался да хихикал. И пусть тогда многие признавали его ненормальным ребенком – сейчас он твердо уверился в том, о чем думал много лет – в действительности его поведение было проявлением высшей мужественности и силы.

– Колян! Ты где там? – раздавшийся голос механика Папанова прервал ход мыслей Николая.

«Вот же недостойный гайдзин!» – подумал он. Или так: «Вот же мудака, соленые яйца!» (Форма, повторим, неважна главное содержание).

– Чего тебе?

– Выходи, тебя срочно Степаныч зовет...

– Чего ему надо? – разговор собеседники вели через дверь нужника; Николай не спешил приступать к своей работе, предпочитая как можно больше времени проводить за отвлеченными занятиями.

– У него поршневая полетела.

Поначалу Николай хотел было монкировать своей работой, которой, судя по описанию технической неисправности, предстояло немало, но потом решил, что безделье и наплева-тельное отношение к работе не красит истинного самурая, и решил покинуть свое убежище.

Окинув опытным взглядом механизатора мотор комбайна, Николай изрек:

- Она из-за ремня полетела. Ремень новый надо.
 - А где ж я тебе его возьму?
 - А я откуда знаю? Я тебе что, завсклад?
 - Да ладно, Колян, может хомут?..
 - Нет, говорю тебе. Хомут вылетит, опять сюда приползешь, я виноват буду. Мне крайним быть не с руки. Иди ищи новый ремень, я переставлю.
 - Ремень я и без тебя переставлю.
 - Ну а чего тогда приперся? Чего отвлекаешь от работы? – Николай потряс в руке книгой Мисимы, с которой не расставался уже третий день.
 - Пошел ты, – плюнул под ноги Степаныч и ушел. Вернулся через пару минут в компании бригадира.
 - Орлов! – панибратски начал тот.
 - Чего тебе?
 - Ты чего ему хомут не поставишь?
 - Пускай сам ставит, стукач вшивый. Мне потом крайним быть не надо.
 - Ты как базаришь?
 - А как с вами, со стукачами, базарить?
- Замолчал бригадир.

Свидетели разговора – шофера и механизаторы – все вмиг приняли сторону Николая. Водитель комбайна Плешивцев предлагал ему отступить от трудовой дисциплины – вместо починки неисправности сделать вид починки, попытаться обмануть машину в надежде проехать лишний круг и свалить побольше пшеницы, перевыполнив плановую норму. Не думая при этом, что машина откажется работать или перенесет новую поломку. И тогда придется вовсе снять ее с пробега, а дневная норма не только с профицитом – а и вообще не будет выполнена. Николай же подумал об этом и начал отстаивать свою правоту известными ему способами.

– Да ты чего?! Уборка идет, страда! Я тебя за саботаж сейчас... Уволю...

– Не ты принимал – не тебе увольнять. Айда к председателю, пускай он разбирается...

Ропот поднялся в народе. Бригадир почувал, что все может закончиться для него печально, и, отведя Степаныча в сторону и что-то ему нашептав, покинул поле сражения. Плешивцев вернулся к товарищам не солоно хлебавши.

– Нажаловался? – улыбаясь, спросил Николай. – Доволен? Вот теперь сам что хочешь, то и делай. Айда, мужики.

Ушли, оставив нерадивого комбайнера наедине с механизмами, собравшиеся ронины. Обступили в дороге Николая – каждый считал своим долгом выразить ему свою солидарность, почтение, уважение. А он лишь упивался своей правотой и тем весом, который только что набрал в глазах товарищей. Что же помогло ему это сделать? Слепому видно, что внутренняя глубина, преисполненность уверенностью в собственных силах. Он же списывал все на книгу, не переставая мысленно хвалить ее за собственные достижения. «Блажен, кто верует, тепло ему на свете...»

В другом рассказе, что содержался в ней, описывал Мисима сцену совокупления самурая со своей женой. И так захватила она Мисиму, такое на него произвела впечатление, что он решил сегодня же повторить со своей супругой Ниной все в точности по тому сценарию, которому следовал великий японец.

На календаре была пятница – в этот день скромный механизатор колхоза имени Брежнева обычно возвращался домой за полночь и в изрядном подпитии, и ему бывало явно не до плотских утех с любимой женщиной. Первое время после брака, лицезрея его подобные состояния, она еще возмущалась, сейчас же практически привыкла к такому положению

дел. Однако, сегодня он решил удивить ее и самого себя – и вернулся домой в шесть вечера и трезвый.

– Чего это? – с порога подозрительно спросила Нина, сжимая в руках тряпку – вечер пятницы как время для нее абсолютно никчемное, она привыкла проводить за домашними хлопотами.

– Того, – хитро улыбался Николай.

– Чего того?

– Ты это... не хочешь... супружеский долг там выполнить, всякое такое?

– Хе, – хмыкнула она, – чего это на тебя вдруг нашло?

– Ты против? Ладно, пойду бухать...

– Нет, нет, стой! Айда...

Через полчаса ее криками была озарена вся округа. Прежде не баловавший ее таким вниманием супруг сегодня задал ей такого перцу, что хоть святых из избы выноси. А спустя два часа, довольные и предельно утомленные, лежали они в объятиях друг друга. Николай покуривал и рассказывал Нине о чудесном превращении, произошедшем с ним и длящимся последние несколько дней.

– Ты понимаешь... У них, у самураев, особая культура этого дела существовала...

– Чего?

– Ну жахались они по-особому. Культурно что ли. Вежливо. Жену свою уважали.

– Хорошо бы...

– Дура! А я тебя, что, не уважаю?

– Ой, Коленька, ну что ты, ты прямо очень очень меня уважаешь... Спасибо, родной, я на небесах...

Утром следующего дня Нина рассказала о метаморфозе своим подругам – и те, понятное дело, начали третировать своих мужей за отсутствие подобных же ласк с их стороны. А потому утро понедельника началось для Николая с расширенного приема граждан. Причем, внеочередного.

– Ты как это, с Нинкой?

– Чего?

– Ну как ты ее в пятницу отметелил-то?

– Да так. Пришел, раскорячил, да и понеслась, – похвалялся Николай.

– А чего нашло-то на тебя?

– Книга, говорю вам, все книга. Интересная жуть.

– А там чего, и про шуры-муры есть?

– Там все есть, – многозначительно, затягиваясь папиросой, отвечал Николай. – От батона до гондона. Я тебе говорю.

С вожделием смотрели товарищи на томик, сжимаемый Николаем в руках, но ни у кого не было желания попросить почитать его – ведь это требовало усилий. Иное дело, что теперь среди них появился своего рода пророк, человек, который сам обладает высшим знанием и научит их, как себя вести в каждой конкретной ситуации, чтобы выходить из нее с достоинством. И потому испытываемое ими вожделие к незнакомому имени «Мисима» постепенно спроецировалось на самого Николая. И вскоре заменит ему имя. А еще раньше тот немой трепет, что питают односельчане к этому просветленному человеку, получит свое оправдание – да не один раз.

Однажды Мисима прибирался дома. Обычно Нина заставляла Николая делать это по сутрам в субботу – и тому было оправдание. Вечер пятницы всегда становился для нее словно бы выколотой точкой, а виноват в этом однозначно был ее супруг, и потому субботняя уборка была для нее чем-то вроде пусть не отмщения нерадивому мужу, но средства восста-

новления социальной справедливости. Да и потом она позволяла как бы начисто закончить дело пятничного вечера, когда она убиралась словно бы «на черновик».

В эту же субботу все было как минимум необычно – Николай вернулся домой, по вновь введенной традиции, рано, трезвый, приласкал жену как следует, а утром по инерции потянулся к пылесосу. Она, все так же, по инерции, давала ему команды приказным тоном и требовала ответственнее относиться к этому малопочетному занятию, а он наяривал ковер, хотя мысли его уже начали приобретать крамольный оттенок.

«И чего это она покрикивает на меня? Раньше я хотя бы вину свою замаливал, а сейчас чего?.. Ладно, закончу пылесосить, задам ей пару вопросов в лоб, не бросать же на середине комнаты...»

Так и случилось. Отложив трубку пылесоса в сторону, Николай посмотрел на жену.

– И что это было?

– А что?

– А чего это у нас сегодня я ишачу? Я ж вроде вчера не накосячил.

«Лучшая защита – нападение», – подсказала женщине природная смекалка.

– Ты мне поговори еще! Сколько я слез из-за тебя, оглоеда, пролила? Сколько нервов мне вытрепал? А обещал чего, горы золотые? Зачем замуж звал?

Тут по традиции следовало бы заплакать, что Нина с успехом и сделала, закрыв лицо руками и убежав в соседнюю комнату – чтобы он уж точно не видел, что она всего лишь симулирует сердечное расстройство.

Не понравилась Николаю такая реакция – он смачно плюнул себе под ноги и вышел из дому.

На улице он перевел дыхание, послушал вопли соседского петуха и, недолго думая, отправился к своему товарищу – Алексею Михайловичу Пузикову, пожилому сварливому пенсионеру, работавшему все в том же колхозе бригадиром шоферов.

– Михалыч, ты дома? – подойдя к плетню, окрикнул Колян.

– Дома, в гараже, айда подсоби.

Тот лихо перемахнул через забор и секунду спустя уже лежал вместе с Пузиковым под его стареньким УАЗиком, то и дело нуждавшимся в капитальном ремонте.

– И когда ты это барахло на свалку свезешь?

– Не учи ученого. На нем еще мои внуки ездить будут.

– Дерьмо из-под себя кушаешь.

– Не умничай. Затяни лучше хомут.

– Делаю.

– Смотри, вишь тросик соскочил?

– Ага.

– Как его натянут-то правильно? Я чет хрен его знает...

– Вот на эту фуевину...

– Думаешь? А-ну, давай вместе попробуем...

– Взяли!

Через несколько минут товарищи уже отмечали удачную починку двигателя разливаемым из трехлитровки самогоном и солеными огурцами прямо здесь, в гараже, вдали от взыскательных и требовательных глаз жены Михалыча.

– Так, значит, говоришь, добра не понимает?

– Вообще никак.

– А баба, она скотина такая... Никогда доброго отношения к себе не оценивает. Только слой с ней можно. Не зря в народе говорят, «бей бабу молотом – будет баба золотом!»

– Это точно.

– Э, я много таких пословиц знаю. Вот слушай... Да наливай пока... «Бей бабу обухом, припади да понюхай – дышит? – морочит, еще хочет»... «На бабу да на скотину суда нет», «Чем бабу бьешь сильнее, тем щи вкусней»...

– А я это... Тоже знаю... Батя у меня покойничек говорил, «жене дважды радуются: когда в дом ведут да когда в могилу несут».

Приятельи рассмеялись и обмыли свои познания в области русского фольклора гра-ненным стаканом самогонки, самостоятельно приготавливаемой Михалычем на протяжении многих десятков лет. После возлияния Николая традиционно накрыла волна рассудительно-сти и здравого смысла.

– Так ведь делать-то чего-то надо, однако...

– Надо.

– И что?

– Как что? Бить конечно!

– Думаешь?

– Мне и думать не надо. Жахнешь пару раз промеж глаз – как шелковая станет.

Сказанное Михалычем несколько разнилось с теми представлениями о самурайской чести что кипели в мозгу Николая и какие он решил принять на вооружение для всей оставшейся жизни. А потому он срочно удалился в нужник Михалыча, чтобы задать Мисиме вопрос – как он относится к воспитанию женщин, что называется, кулаком?

И хотя ни о чем подобном книга не говорила, из нее все же он узнал кое-что о самурайских традициях среди женщин. Так, Накано Такэко, старшая дочь чиновника княжества Айдзу Накано Хэйная родилась в городе Эдо. Она получила образование как в области литературы, так и боевых искусств, хорошо владела [битая ссылка] нагинатой. Будучи удочерена своим учителем Акаокой Дайсукэ. Накано вместе с ним работала инструктором боевых искусств в 1860-е годы. В Айдзу Такэко впервые очутилась в 1868 году. В ходе [битая ссылка] битвы за Айдзу она командовала группой женщин, которые сражались независимо от основных сил княжества, поскольку высшие должностные лица Айдзу запретили им участвовать в бою в качестве официальной части армии. Эта группа позднее была названа «Женским отрядом» (Дзё: ситай) или «Женской армией» (Дзё: сигун). Ведя свой отряд в атаку против сил [битая ссылка] Императорской армии княжества Огаки, Такэко получила пулевое ранение в грудь и попросила свою сестру Юко отрезать ей голову и похоронить её, чтобы она не досталась врагу в качестве трофея. Голова Такэко была доставлена в храм Хокайдзи и похоронена под сосной.

«Поразительно», подумал Николай. «Женщина-самурай». Какие честь и достоинство! Какая воинская слава! Какая доблесть! Однако, есть и вторая сторона медали – если женщина в совершенстве владеет боевыми навыками и готова сражаться с мужчинами на равных, то и спрашиваться с нее должно как с равной – пусть будет она готова к бою, в том числе и смертному, в любой момент!..

– Слушай, Михалыч, – вдумчиво спрашивал Николай, глядя в глаза собеседнику, – как думаешь, моя Нинка могла бы, случись чего, мне подзатыльник дать?

– А у тебя что, память отшибло? Давала и не раз!

– Точно, – в памяти Николая воскресли картины недавнего прошлого, когда его обожаемая супруга так лихо отвешивала ему оплеухи, пользуясь своим явным внешним превосходством, что тот знай себе летал по всему дому из угла в угол, переворачиваясь от счастья в воздухе.

– А тебе для чё?

– А вот в книге сказано, что были и женщины-самураи. У них такие же высокие нравственные принципы там, все дела... И соответственно, боевые навыки нашим никак не уступают.

- Ну и к чему ты это все?
- А к тому, что значит сражаться с ней на равных можно.
- Давно пора. Только при чем тут самураи, не пойму никак...
- А при том, что жить надо по самурайскому кодексу, бусидо и прочая...
- На кой он нужен?
- На кой... Ну какие у тебя принципы в жизни есть?
- Много всяких...
- А конкретнее?
- Ну...
- Бабу бьешь?
- Бью.
- А она тебя.
- И она.
- Вот. Значит, не уважает. А начальство тебе премии давно выписывало?
- Давненько.
- Значит и начальство не уважает. Друзей много у тебя? Ну таких, чтобы настоящих, чтобы прям...
- Нет, конечно.
- Опять же хреново. Значит что?
- Что?
- Проблема в тебе. В твоих принципах. А вернее, в их дефектности и нестабильности, в необходимости их кардинального пересмотра и перестройки всего менталитета от А до Я...

Может быть, Николай вел свою речь и не такими высокопарными эпитетами, как ему того хотелось, но думал он именно так и искренне желал, чтобы его местами бессвязная речь лилась именно таким удивительным и прекрасным, хоть и малопонятным обычному человеку, потоком.

- Эка завернул...
- А что, не так?
- Так-то оно так...
- Ну вот. Значит, наливай.

Явившись вечером домой, Николай застал жену встречающей его в дверях и со скалкой. На этот случай в своей длани он сжимал глушитель от Михалычевского старого самосвала.

- Нажрался...
- А то! От несправедливости твой пришлось!

– Ну я тебе сейчас покажу козью морду, тварь такая... – и стоило ей только замахнуться столовой утварью на супруга, как оглушительный удар в челюсть глушителем буквально сбил ее с ног. И пока она, полусидя-полулежа на полу, пыталась прийти было в чувство, Николай отбросил орудие возмездия в сторону и начал кулаками так ее метелить, что затея по защите ее поруганной его пьянством чести канула в небытие, равно, как и множество других планов буйной супружницы.

Утром следующего дня Николай приготовился было получить отпор и даже начал, лежа в кровати, производить ревизию содеянного накануне «разговора с женой», как вдруг она показалась на пороге его комнаты вся синяя от побоев, но счастливая и с подносом в руках.

- Завтра в постель, – проворковала она, приближаясь к мужу. Поначалу он принял ее порыв за розыгрыш.
- Шутишь? – спросил он.

– Нет, дорогой, с добрым утром тебя, покушай пожалуйста.

Уже к обеду слухи о внезапном преобращении жены Николая Орлова стали постепенно облетать колхоз, вызывая в воспаленных алкоголем умах мужчин дополнительные стимулы уважения к нему, а в неокрепших умах женщин – искреннее непонимание причин случившегося.

Сам же Николай лишь собирал восторженные взгляды односельчан и все крепче начал веровать в учение японских воинов. Дух воина зарождался в нем, набирая новые и неведомые доселе обороты.

Часть третья. Расцвет сакуры

Однажды Мисима решил все изменить.

Он шел с ночной смены под мерные завывания петухов и размышлял о том, что эти певучие утренние птицы, которых не принято у нас считать птицами, и он в своем скорбном бытии образуют некое подобие друг друга.

«Кто я? – так он думал. Или думал, что так думал... – В мире огромном, преисполненном треволнений и препятствий на пути к цели, я не более, чем жалкая птица, пение которой никому не доставляет удовольствия, и вспоминают о которой не чаще, чем возникает потребность в супе, да и за птицу уже толком никто не считает...»

В действительности та же мысль звучала куда прозаичнее.

«Какого рожна?! Зряплату не платят уже второй месяц, председатель ничего не обещает, только мямлит... Нинка опять петухом назовет, овца безрогая... А хотя она права... Кто я? Самый настоящий петух, коли решить ничего не могу и поменять...»

Он был прав – супруга дома была ему не очень рада. Главной причиной ее страданий стало извечно отсутствующее жалованье мужа, которое и без того не отличалось крупными размерами, так еще и выплачиваться теперь стало крайне неаккуратно.

И опять это гнусное слово, «петух». Зять Михалыча сидел в тюрьме, и как-то за рюмкой водки поведал приятелям о втором значении этого слова, которое оно приобретает в местах не столь отдаленных. Оба тогда поморщились от неодобрения и тяжести, вызываемых подобными ассоциациями. А сейчас Нина так его зовет. И хоть она, глупая женщина, в зоне не бывала и не осознает того, что говорит (да и рассказывать не надо, а то пойдет трепаться по околотку), доля истины в ее словах есть.

Поскандалив с женой, Николай как всегда шел к Михалычу.

– Опять?

– Снова.

– И чего думаешь?

– Не знаю, – многозначительно затягиваясь сигаретой, отвечал Николай.

– Разводиться поди будешь? Бить-то уж бил...

– Да уж и бил и пил! – раздраженно бросил Николай. – А что толку? Когда сейчас дело не в ней!

– А в ком? Кто тебя петухом называет? – Михалыч лукаво просиял. Это еще более раззадорило и даже как-то оскорбило Николая.

– Так из-за чего называет-то?!

– Знамо, председатель мурак, не платит...

– Да? Председатель?

– А кто ж еще? У самого-то закрома набиты, дом – полная чаша, а мы последний хрен без соли доедаем из-за его сквалыжности...

– А может, в нас дело?

– Ты к чему клонишь?

Николай затушил сигарету. Разговор предстоял обстоятельный.

– Я вот читал. Знаешь, как у них, у японцев-то заведено...

– Да чего ты все со своими японцами?! Тоже мне пример для подражания нашел...

– У тебя есть лучше примеры?

– Ну а чего японцы-то?!

– Ты посмотри, как живут люди! Какие технологии у них! Не хочешь так жить? А? не хочешь? Говори, мать твою!

– Хочу, но... Как же начать-то?

– А вот... С себя надо начинать. У них там всегда правило такое – если хочешь менять обстоятельства своей жизни, начинай с себя. У них там если компания начинает плохо работать, директору зарплату срезают...

– Директору? Это как? – слабый ум Михалыча отказывался понимать принцип работы японских промышленников.

– А так. Рабочие собираются, голосуют, и срезают ему зарплату. Вот так.

Николай был частично прав – почерпнутый им из книги великого японца пример с кадровой политикой крупных предприятий Страны Восходящего Солнца действительно отмечается до сих пор сокращением фонда заработной платы руководящих работников в случае финансового кризиса. Но вот вторую часть повествования он несколько исказил – подчиненный априори не может изменить условия труда начальника: ни в России, ни в Японии. Сложно сказать, что руководило им при произнесении этих слов – то ли скрытое, заложенное на генном уровне, казачье удалое желание руководить массами и своей рукой вершить справедливость, то ли прочитанные в книге новости о членстве Мисимы в организованном им военизированном «Обществе Меча». Но – так или иначе – он изрек эту фразу, тем самым наделив ее жизненной силой. И теперь отступать было некуда. Тем более, что глаз Михалыча загорелся.

– Это ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что власть в наших руках!

– Эка куда загнул! Это мы и председателю указывать, значит, право имеем?!

Здесь Николай застопорился – в книге ничего не было сказано о юридических правах, и потому здесь заговорщикам нужно было квалифицированное мнение третьего лица.

На его роль был избран Синдеев – как теперь говорят, «мутный тип» с затуманенным прошлым, из которого было известно, что в молодости отбывал срок за кражу; нигде не работал, но всегда жил в достатке (из чего проистекал вывод о нечестном характере заработка); слыл человеком умудренным и даже, возможно (сплетни глупых баб) наделенным какой-то магической силой.

– Мы тут это, Семеныч, подумали... Зарплату в колхозе не платят...

– Денег не дам.

– Да нет, мы не об этом. Мы о том, что менять ситуацию надо.

– Ну... А от меня чего хотите?

– Как думаешь, имеем мы с мужиками право возмущаться и даже... меры принять?

– Какие это меры?

– Ну, предъяву выкатить председателю! – сказанное Николаем казалось таким пафосным и горделивым, что он произнес эту фразу с выражением какого-то особенно глубокого удовлетворения и мужественности на лице. Но, повстречавшись со взглядом Синдеева, ступшевался и опустил глаза.

– А почему нет-то? Вы же – члены колхоза. Пайщики значит. Так?

– Ну.

– Значит, имеете право в любой момент общее собрание провести и принять любое решение на нем. Конечно, если большинство за будет.

Мужики переглянулись, довольно улыбаясь друг другу.

Михалыч пододвинулся ближе к хозяину дома, чтобы развить мысль:

– Слушай, Семеныч, насчет денег мы поняли... А пузырь самогона не дашь до понедельника?

Синдеев, помимо глубоких правовых и житейских знаний, обладал также знанием боевых искусств Древнего Востока, коим обучился в юности во время службы на подводной лодке в территориальных водах Эстонии, славной своими носителями корейских боевых традиций. А потому, когда вопрос посетителя казался ему оскорбительным, он без предупреждения вскакивал со своего места, выкрикивал некий победный клич типа «Хажжиме!» и наносил спутнику удар ребром ладони в лоб. Удар не сильный, но по манере исполнения столь пугающий, что даже самые отчаянные деревенские храбрецы, столкнувшись с этой боевой машиной на двух ногах, ретировались. А вы бы не ретировались, если бы после такого удара нанесший его стал бы подпрыгивать на одной ноге и причудливо раскидывать изломленные в локтях руки в разные стороны, то воздевая голову к небу, то опуская ее в пол и бормоча под нос себе какие-то малопонятные заклинания?! То-то же, страшно. Вся эта церемония и отличала, по мнению Синдеева, мастера боевых искусств от обычного селянина.

Конечно, Николай много раз видел па Джеки Чана в американо-китайских боевиках, и подергивания Синдеева мало их напоминали, но в деревне никто не умел и этого, а потому, несмотря на воспроизведенные им в отношении Михалыча столь противоречивые жесты, гости решили покинуть дом хозяина после первого же воинственного предупреждения.

Обратный путь Михалыч посвятил обсуждению своего унижительного поражения с самим собой, а Николаю не давали покоя более глобальные мысли.

– Ну как он меня, Колек! Да я его сам если что! Ну ты же меня знаешь!

– Ага... Да, да,.. – бормотал Николай, окидывая Михалыча отсутствующим взглядом. – Точно! Общее собрание надо провести!

Всю ночь Микола и Сергей Михайлович старательно рисовали объявления, а к утру отправились к базару, кинотеатру и зданию правления, чтобы расклеить плоды своего труда, доведя до сведения односельчан важную информацию.

– «Сегодня, в 19:00 будет собрание колхозников. Повестка дня: решение вопроса с зарплатой. Докладчик Орлов. Явка строго-настрога обязательна!» – председатель держал в руках сорванное объявление и мало чего понимал во всем происходящем. Единственное, что он четко понимал – так это то, что проведению сходки надо помешать. Однако, волна народного гнева уже начала подниматься в Ясакове, и одному человеку было не под силу ее остановить.

В 19 часов народ собрался в клубе. Стихийные собрания не были здесь редкостью – народ частенько бывал недоволен своей жизнью, и собирался, чтобы «выпустить пар». Потому председатель колхоза не сильно испугался свершившемуся факту собрания – так, что даже носа на нем не показал. «Пушай, поорут да разбредутся».

Начиналось все и впрямь как всегда. Николай прошел в центр зала, поздоровался с одним, с другим, у третьего попросил семечек и не сходя с места стал их грызть, с четвертым вышел покурить... Вернувшись, застал собравшихся в смятении.

– Ну ты чего, Орлов?! Давай уже, речь толкай, а то корову доить пора!

– Спокойно, товарищи!.. – хотел начать свою речь Николай. – Всем нам известна ужасающая ситуация с зарплатой. Ее нужно решать – это понимает любой. Но сами мы не в силах ничего изменить, хотя – по старой японской традиции – изменение мира начинается с нас самих. Что мы можем сделать, чтобы хоть как-то повлиять на сложившееся положение вещей? Снять председателя? Нет. Лишить его имущества? Нет. Заняться самоуправ-

ством и расхищением? Тоже нет. Тогда локаут. Не выйдем на работу до полного погашения задолженности! Мы, бригада МТС, объявляем о бойкоте работы колхоза до расчета с нами!..

– Мужики!.. Тут с зарплатой беда... Так мы тут с Михалычем подумали... Может, ну его нафиг, а?! Забьем на работу, да и все! И пускай ищет, где хочет! Сам-то вон... а мы-то вон... Ну, правильно я говорю? – услышали все остальные.

Одобрительное улюлюканье было ему ответом. И еще был шанс председателю возлюбить, был шанс оставить слова словами, если бы не следующая его фраза, вконец изменившая отношение его к жизни, отношение к нему односельчан, отношения всего происходящего в Ясакове последние 20 лет...

– Кто за?! Прошу голосовать!

Народ опешил. Но уже спустя несколько мгновений первые руки согласных с таким революционным предложением Николая Орлова стали как по мановению волшебной палочки взмывать ввысь, и вскоре уже лес рук устлал кажущийся безжизненным зал заседаний.

На том и порешили. Утром следующего дня на работу не вышла бригада МТС. К вечеру забастовали доярки. Через день их примеру последовали комбайнеры. Председатель взвыл. Но вскоре, применив здравое разумение, пришел к такому выводу: «Кто замутил – тот пусть и разгребает», и вызвал Орлова со-товарищи (с инициативной группой к себе).

– Ну и чего вы тут намутили?

– А ты деньги верни!

– А где я тебе их возьму? – первые несколько минут разговор шел в явно неконструктивном русле.

– Так ты ж председатель!

– Да ты не базлай, Орлов! Ты народ взбаламутил! Значит, коль критикуешь – предлагай. Давай вместе решать, загнется колхоз...

Николай почесал голову. Решение было найдено само собой.

– У меня в гараже два комбайна 80 года нерабочие в хлам. Сдадим на металл – оплатим зарплату, выйдут люди.

– Да ты чего?! Меня ж за такое в районе с дерьмом съедят!

– А ты хочешь, чтобы тебя здесь с дерьмом съели? Колхоз загнется – ты и до района не доедешь.

Делать нечего. Сдали комбайны. Оплатили зарплату. И жизнь вроде бы вернулась в прежнее русло, но... Маленькое изменение произошло в ментальности всех – от мала до велика – жителей Ясакова. Все знали о том, что Николай придумал это решение. Нет, председатель конечно остался председателем. Но значимость Николая... как бы это... увеличилась что ли. Да. До небес.

И когда утром он вновь возвращался с рабочей смены, то даже петухи вежливо замолкали, словно бы не решаясь прервать своим пением ход мыслей большого человека. Ему это импонировало – теперь никто не сравнит его с этой красивой, но все же малопочтенной птицей.

Однажды Мисима пошел в церковь. Азми (тогда еще Нина) давно настаивала на том, чтобы он посетил храм – по ее мнению, в месте отправления религиозного богослужения его мозги окончательно встанут на место, хотя с течением времени она все меньше сомневалась в нормальности мужа; события последних дней показывали его правоту по многим вопросам, в том числе касающимся быта и жизни в обществе. Муж ее постепенно начал завоевывать уважение со стороны односельчан, коллег-колхозников и вообще, вроде бы, жизнь начинала налаживаться. Скучный ум Нины не связывал рост семейного и индивидуального

благополучия со знаниями, почерпнутыми из книги великого японца, но и на посещении церкви она больше не настаивала – все и так было относительно хорошо.

Однако, Мисима сам решил сходить в храм. И вовсе не затем, чтобы доказать наивность уже утративших актуальность религиозных чаяний супруги, нет. Ему казалось,.. его не оставляло ощущение того, что чем умнее он становится в бытовом, практическом плане, тем больше ему недостает чего-то изнутри. Чего-то нематериального, духовного, того, что нельзя измерить привычным человеку эквивалентом. Так, словно бы становясь мудрее, он платил за эту мудрость целостностью своей души. Не хватало ему тепла, любви, понимания, сочувствия в том первозданно-девственном виде, в котором нуждается в этих порывах души каждый младенец – не говоря уж о взрослом человеке, чьи потребности в этих чувствах несоизмеримо больше.

Так часто бывает, что за социальный рост мы платим ментальным благополучием. На какое-то этапе своей жизни Ваш покорный слуга заметил, что, чем больше публикую я своих произведений – даже самых пустячных – и чем больше создаю новых – даже самых кратких и, казалось бы, малосодержательных, – тем менее интересным собеседником становлюсь. Я сосредоточиваю все свои морально-нравственные усилия на книге, вкладываюсь в нее весь и словно бы перестаю общаться с читателем (и вообще с людьми) вербально – беседуя с ними только со страниц написанного. Так и с Мисимой – чем больше он духовно насыщался в плане практическом, тем сильнее духовно истощался в плане ментальном. И, если гармонию действий и разума с его стороны можно было считать достигнутой, то о гармонии духа и разума пока не могло быть и речи.

Именно за этим он и решил сходить в церковь. Воскресенье не вполне подходило для посещения – еженедельная служба по обыкновению собирала многих сельчан в стенах храма в этот день, и возможности приватно побеседовать со священнослужителем, чтобы открыть ему свои поиски и метания, могло и не представиться. А потому Мисима выбрал для богоугодного дела понедельник.

Уйдя с дневной смены в обеденный перерыв, он напрямик (правда, оглядываясь по дороге, чтобы никто – не дай Бог – не заметил его маршрута; как-никак, а духовному наставнику всей деревни негоже ходить за советом в подобную организацию) направился в храм Божий.

Подойдя к церковному плетню, увидел высокого и крайне тучного рыжебородого мужчину – еще молодого, но уже невероятно обрюзгшего и запущенного, видимо, по причине пьянства. Он держал в руках метлу, подметал. На нем было длинное черное одеяние – не иначе, риза. Мисима понял, что нашел кого искал.

– Здравствуйте, батюшка, – робко начал он.

Подметавший поднял на него глаза и ничего не ответил.

– Бог в помощь!

– Благодарю тебя, сын мой. И тебе помогай Боже...

– Батюшка, мне б поговорить с Вами...

– Отчего не поговорить? Давай поговорим... Входи...

Мисима поискал глазами и не нашел калитки. «И как они сюда влезают?» Решив не тратить времени, перемахнул через забор.

– Здравствуйте, батюшка... – еще раз выказал учтивость Мисима.

– Здравствуй, сын мой, – от священника пахло перегаром. «И впрямь алкаш», – подумал Мисима.

– Я вот думаю тут...

– О чем?

– Да че-то... в последнее время все делаю, делаю... Вроде и нормально все, а чего-то здесь не хватает, – Мисима схватился рукой за ворот фуфайки.

- Церковь часто посещаешь?
- Вообще не хожу. Жена-то ходит, а я...
- Напрасно. Крещеный?
- Был когда-то. Правда, крестик потерял что ли...
- Совсем скверно. Чему же ты удивляешься?
- Я-то? Тому, что бытовой комфорт счастья не приносит... – от удачливости и красоты формулировки Мисима даже заулыбался.
- Так он никогда никому счастья не приносит.
- Как так? А олигархи?
- Духовно нищие и оттого несчастнейшие из людей. Ты посмотри, как живут? Судятся все время, воруют, ругаются друг с другом – денег вишь не хватает... А про Бога-то и забыли совсем. И оттого – половина жизнь в тюрьме кончает, а половина – от пули. Редко кто из них счастливо да беззаботно живет. А те, которые живут – за счет покаяния да дел богоугодных. Жертвуют много, молятся... Бога поминают...
- А как быть, если не веришь?
- Во что?
- В Бога.
- Ну, – священник заулыбался. – Разве настолько глупый?
- Отчего же глупый? – обиделся Мисима. – Даже наоборот. Вон жена моя ходила, ходила и чего? Ничего не выходила.
- А ты? Разве умнее нее?
- Конечно. Книжку прочитал, ума набрался, сейчас правильно живу.
- И связи никакой между походами жены и твоим разумом, считаешь, нет?
- А какая связь?
- Так она же за тебя, дурака, молилась. Вот Господь тебе разум и послал. С неба что ли он на тебя свалился?
- Мисима задумался. Священник продолжал.
- Только зачем Он послал-то его тебе?
- Зачем?
- Чтоб прозрел ты наконец. Чтоб уверовал. Чтоб обратился. И потому тебя сейчас сюда и привел.
- Ну так а как уверовать-то?
- Вот гляди... Видишь у меня в руке метла?
- Как не видеть? Вижу...
- Кто ж ее создал?
- Человек и создал.
- А как?
- Да как... Челижный веник к палке привязал – вот метла и вышла.
- Правильно. А разве ты видел, кто и как ее создавал?
- А зачем мне видеть, когда дураку понятно?..
- Тоже правильно. А человек разве сам появился?
- Нет. От обезьяны.
- А ты видел ту обезьяну?
- Да зачем видеть-то? Учеными ж доказано!
- Спорный вопрос. Почему ж в зоопарке обезьяны в человека не эволюционируют?
- Мисима снова задумался.
- Этак, если тебе с твоими учеными-мочеными верить, всякая обезьяна по окончании жизненного пути должна в человека превращаться? Логично?
- Логично, но...

– Но такого не происходит. Значит, буксует теория-то...

– А как же тогда?

– От Бога человек-то. Кто разум нам дает? Разве обезьяны? Кто хлеб насущны посылает? Кто любовь дарит? Сочувствие? Тоже скажешь, обезьяны?

– Нет...

– Вот. Господь дарит-то. Потому и веровать надо. Необязательно видеть, чтобы разумно понимать, что такое совершенство как человек только тот мог создать, у кого силы больше. А у кого силы больше, чем у человека? Только у Бога.

– Верно... А вот ты говоришь, что Он мне разум для разумения послал. Для того, чтобы поверил я. А, кабы поверил, что бы мне за это было бы?

– Оооо, – священник расхохотался. – Многие блага верующему Господь сулит. Заживешь как у Христа за пазухой. А главное – терзаться перестанешь душой, внутреннюю гармонию обретешь.

– И что для этого сделать надо? Как ему веру свою доказать?

– Ну как-как... В церковь ходи...

– Ну вот, пришел.

– Регулярно ходи.

– Понял. А еще?

– По заповедям живи.

– По каким заповедям?

– Ну вот например, не убий.

– Кого?

– Да никого, дурья твоя башка. И не укради. Родителей почитай да жену...

– Жену?!

– Да, жену.

– Да я ее бью как сволочь.

– Напрасно. Чего она тебе сделала?

– А, кабы не бил, сама меня метелила б как сидорову козу.

– Почему знаешь?

– Было дело.

– Хммм... И все же не благо это.

– Что?

– На насилие насилием отвечать.

– То есть как?

– А так. Ударили тебя по правой щеке – подставь левую. Разумеешь?

– Да как же это?! Он, значит, меня молотить будет как собаку, а я ему – щеки подставлять? Нетушки...

– Ты чего же, священному Писанию противишься?.. – глаза священника налились кровью.

– Да что это за писание такое! Самураи кон в Японии завсегда воевали, праведную месть творили на Земле и жили счастливо и в гармонии. А ты мне сейчас говоришь – свалилось на башку, так лапки вверх и не чирикай...

– Да. Тяготы надо преодолевать с кротостью и смирением.

– Ну вот еще! А зарплату не платят – что делать прикажешь?

– Терпи. Господь терпел и нам велел...

Все внутри Мисимы горячо противилось тому, что он слышал. Не так учил его жить великий японец, совершенно не то подсказывала сама жизнь, не те правила сделали его жизненный путь более или менее прямым! Он не мог согласиться с несправедливостью и тем, что шло вразрез со здравым смыслом.

– Да как же это?! Тридцать лет терпел, сейчас голову поднял и воздухом задышал, а ты мне говоришь – обратно под лавку лезь?! Как же это?!

– Да какие это там самураи тебя жить учат?!

Мисима достал из-за пазухи книгу и предъявил ее служителю культа.

– Вот. Юкио Мисима, он же Хираока Кимитаке. Самурай всю жизнь сражается, преодолевает препятствия, а в конце совершает сиппуку.

– Чего?

– Ритуальное самоубийство. Живот себе вспарывает.

– Типун тебе на язык, прости тебя Господи, грешника, – священник воздел глаза к небу и осенил себя крестным знаменем.

– А чего?

– Самоубийство грех страшнейший есть!

– Почему?

– Не сам ты жизнь взял, а Господь тебе дал, а потому только Господь волен распоряжаться ею!

– Но ведь ты говоришь, что вся власть в руках Бога?

– Так и есть.

– Так значит не я сам меч беру, чтобы отправиться к праотцам, а Он мне его в руку вкладывает.

Священник задумался.

– Ну нет уж, это ты сам. Ибо все благое – от Бога, а все мерзкое – от тебя!

– Нормально... Почему так?

С негодованием священник смотрел и слушал героя. Дальнейшее развитие дискуссии было бессмысленно – объяснить с точки зрения разума то, что разуму не подвластно, священник не мог – да и никто не сможет, ибо все это будет не более, чем демагогия.

– Ты, я вижу, не вере обучаться пришел, а скверну насаждать, а потому иди отсюда подобру – поздорову. Поумнеешь – тады приходи. Тьфу...

И священник ушел.

Мисима вновь перелез через забор и побрел домой. На душе стало немножко легче, – такое чувство всегда бывает, когда избавишься от недоговоренности и сомнения. Но глобально ответа на мучившие его философские вопросы Мисима не получил. Одно понял – не там ищет.

– ...Иван! Поди-ка сюда.

Толстый мужик с метлой подошел к крыльцу церкви, на котором стоял настоятель.

– Это кто приходил?

– Да так, дурачок один.

– Чего хотел?

– На водку спрашивал.

– Понял... А ты чего ризу надел?

– А это отца Григория, старая, в халабуде валялась. Все равно не нужна, я мести взял...

– Господь с тобою. Сними сейчас же... Все вымели?

– Так точно, батюшка.

– Ну ступайте с Богом.

– Дадите опохмелиться, святой отец?

– Вот держи. Только много не пейте – завтра с утра чурки с заднего двора перетаскать надо будет.

– Сделаем, батюшка, все сделаем,.. – исчезая за поворотом, кричал дворник.

Однажды Мисима пошел в библиотеку.

В общем, он не собирался туда идти, но посещение церкви оставило в его душе некую незаполненную пустоту, ментальную дыру, которая не позволяла ему спокойно жить. С волнующим его вопросом он, по традиции, обратился к более мудрому и опытному самураю – Михалычу.

– Слушай, Михалыч... Вот у тебя когда-нибудь бывало такое – получку домой несешь и не рад?

– Постоянно.

– В смысле?

– А чему радоваться? Ее сейчас же моей стерве отдавать придется.

– Нет, я не об этом.

– А о чем?

– Ну вот вроде все в жизни хорошо, все на месте и... чего-то не хватает.

– Чего тебе не хватает?

– Ну не знаю... Внутри пустота какая-то что ли... Что-то не на своем месте, неполноценность какая-то. В душе чего-то...

– Эээ, – мудрый самурай почесал подбородок, лукаво усмехаясь. – Что ж, дело известное. Пустота внутри вызвана ощущением отсутствия конкретной осязаемой цели, ощущением отсутствия стремления к высшему идеалу...

От высокопарности примененного оборота у Мисимы захватило дух – даже в творениях его нового японского идола не встречал он подобных выпреженных выражений.

– То есть ты хочешь сказать...

– Ну вот, сам же говоришь. Вроде все хорошо... А завтра? А послезавтра? Стремление быть должно! Постоянное самосовершенствование! Перфекционизм! – последнее слово прозвучало особенно торжественно и значимо, судя хотя бы по тому, как собеседник героя воздел при его произнесении палец к небу.

– Где ж его взять?

– Это уж я не знаю... Книжки почитай... Про Павку Корчагина там или... Ну не знаю...

Мисима все понял – там, где церковь не помогла, пища духовная иного сорта выполнит свою роль. И отправился в библиотеку.

Путь свой он проделывал в крайне беспокойной обстановке. То и дело ему казалось, что каждый встречающий его односельчанин знает или, по крайней мере, догадывается о том, куда он идет, и ему, каждому встречному, кажется намерение Мисимы абсурдным. Настолько не принято было здесь посещать библиотеку, как не принято посещать ее, скажем где-нибудь в Вануату или Верхней Вольте – просто по причине отсутствия в тамошнем захолустье подобных учреждений. Здесь же, хоть таковое и присутствовало, спросом его услуги все же пользовались куда меньшим, чем, скажем, услуги пивной.

По дороге Мисима думал:

«Да, прав Михалыч. В русской литературе-то и надо искать недостающее звено личного роста...»

Вспомнил он о том, как учительница в школе задавала им изучение творчества Льва Толстого и Куприна, Пушкина и Достоевского, и этих... как их... Салтыкова и Щедрина. Правда, никого из этих шести он толком и не прочел никогда, но вот сейчас вдруг подумалось ему, что, если бы и прочел, то совершенно иначе, быть может, сложилась бы его жизнь. Может быть, раньше пришел бы он к осознанию того, что открыло для него творчество великого японца, а, быть может, открыл бы его для себя куда ранее. Во всяком случае, как говорил все тот же Лев Толстой, «стыдно не не знать; стыдно не хотеть знать», и потому нынешний порыв Мисимы своей благостью все же оправдывал его нынешний тернистый путь к этому неизведанному источнику познания.

Подойдя к дверям библиотеки, Мисима огляделся. Кругом шнырял народ. Все косились на крыльцо ЦБС, на котором наш герой стоял, нервно дымя папиросой. Ему по-прежнему казалось, что вот сейчас он войдет и...

– Мне бы это... почитать...

А библиотекарь, грозно глядя на него из-под очков:

– Дома надо было родителей почитать!

И – гомерический хохот, от которого герой вздрагивает и... обнаруживает себя все на том же крыльце. Или – входит и...

– Мне бы из русской классики чего-нибудь.

– Вам какую – 19 века или попозже? Поэзию или прозу? Коренных писателей или эмигрантов? Футуристов или имажинистов?

И снова не находит ответа храбрый самурай. И – опять гомерический хохот. И снова он на том же злосчастном крыльце. И снова замусоленная папироса в губах. А в голове – извечный сценарий.

– Мне бы вот тут... Куприна Александра Ивановича или Набокова Владимира Владимировича... Из раннего что-нибудь...

– Чего?! Из раннего тебе?! Вы поглядите на него – умный какой выискался! У тебя огород-то вскопан, что ты сюда в рабочее время приходишь с какими-то идиотскими запросами?!

И вот уже пред ясные очи его вместо строгого заведующего библиотекой является во всей своей красе и строгости Нина, и, потрясая в воздухе скалкой, грозно взывает к его социальной ответственности, так и грозя «навести резкость между глаз».

Совсем оторопел Мисима, оттаптывая крыльцо библиотеки и начавши уже было привлекать к себе то самое негативное внимание, последствий которого он так страшился. Снова окинул он взглядом округу. Внезапно взгляд его встретил опершегося на забор соседнего дома Синдеева. Тот сделал ему жест головой, зазывая к себе.

– Здорово, Семеныч.

– Здорово, Колян. Ты чего это в библиотеке забыл?

– Да так... Мимо шел...

– Ты давай не юли. Говори как на духу.

– Да вот думаю почитать чего что ли...

– А зачем тебе?

– Да ты знаешь, перфекционизм пропал... – Мисима записал сказанное Михалычем малопонятное, причудливое слово и раз сорок повторил его, прежде чем сейчас на автомате выпалить, не задумавшись о его лексическом значении. – Стремления, понимаешь, нет.

– Так ты же вроде Мисиму читаешь.

– Да читать-то я читаю, только... Понимаешь, про жизнь-то я все понимаю, а вот про стремление... Духовная часть...

– Понимаю. Кажется, твой диагноз звучит так – «без царя в голове». Действия все верные, а вот ментальный вектор пропал... Верно описываю?

От правильности диагноза у Мисимы дух перехватило.

– Вижу, что верно. Ты вот что... Дуй за пузырем и сразу ко мне... Я тебя всему и научу...

Спустя полчаса Мисима и Синдеев потягивали sake собственного изготовления Михалыча дома у заслуженного гуру, который своей лекцией проливал свет на загадочные и неведомые для героя картины мира...

– Понимаешь, у самурая какая философия... Он всю жизнь сражается, трудности преодолевает... Если нет трудностей – сам их создает. И в этом видит созидание и путь воина...

– Как ты сказал? Путь воина?

– Именно. Для самурая пройти сквозь все трудности и испытания и в итоге совершить сиппуку и есть самый настоящий путь. На то он и воин...

– Хорошо сказано...

– Да что сказано?! Ты посмотри на самого Мисиму. Он ведь сам воин был!

– Да ну?

– Ну да. Организовал «Общество меча», власть захватить хотел. А ты чем хуже?

– Да какая мне власть...

– Да я же не об этом! Ты же лидер по натуре! Природа у тебя такая! Так чего ты теряешься?!

– А чего делать-то?

– Ты не в библиотеку иди. Ты меня слушай. И почитай-ка вот...

С этими словами Синдеев извлек из внутреннего кармана пиджака газетную вырезку – статью из Малой российской энциклопедии о жизни Мисимы. О таком подарке Николай и мечтать не мог. Он взял ее из рук Семеныча как драгоценный камень, как принимают новорожденного из рук акушерки, как Данко принял вырванное из собственной груди сердце, чтобы им освещать путь далеко впереди себя...

«Юкио Мисима родился [битая ссылка] 14 января [битая ссылка] 1925 года в семье крупного государственного чиновника [битая ссылка] Адзусы Хираоки и его супруги Сидзуэ. Отец Мисимы, с отличием закончив юридический факультет Токийского императорского университета, блестяще сдал государственный экзамен, необходимый для работы чиновником на самом высоком уровне, однако из-за личной предвзятости и интриг в кулуарах бюрократического аппарата вместо Министерства финансов был принят на работу в министерство, которое теперь носит название Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства. Коллегой отца Мисимы по работе был будущий премьер-министр Японии Нобусукэ Киси. После старшего сына Кимитакэ в семье родились его младшая сестра Мицуко (род. 1928) и брат Тююки (род. 1930). Дед Мисимы Хираока Садатаро в 1908—1914 годах был губернатором Южного Сахалина. Подал в отставку после скандала, связанного со спекуляцией сахалинским лесом. До 12 лет, когда он перешёл в первый класс средней ступени школы, Кимитакэ жил и воспитывался в доме бабушки Нацуко. Даже с матерью он мог видеться только с разрешения бабушки. Совместная жизнь с Нацуко, которая забрала болезненного Кимитакэ у родителей и, оградив его от внешнего мира, воспитывала в строгих и утончённых аристократических традициях, оказала на формирование будущего писателя огромное влияние. Изоляция Кимитакэ от сверстников своего пола привела к тому, что он стал говорить в свойственной женской речи манере. Склонная к истерии Нацуко, несмотря на психологические стрессы, которые вызывало её поведение у Кимитакэ, была тонкой ценительницей кабуки и но, а также творчества Кёки Идзуми и привила Кимитакэ любовь к прозе и театру.

Тяжелые болезни и постоянные недомогания, из-за которых Мисима не принимал участия в играх сверстников и часто пропускал школу, тоже наложили неизгладимый отпечаток на личность будущего писателя. Мисима рос впечатлительным и одарённым ребёнком, много времени проводившим за чтением книг. Привилегированную школу он закончил с отличием, получив из рук [битая ссылка] японского императора серебряные часы»...

Всю обратную дорогу до дома Николай только и делал, что переваривал прочитанное, то и дело примеряя к себе образ великого японца. Из всего, справедливости ради надо сказать, наиболее всего подходило ему то обстоятельство, что рос он впечатлительным ребёнком – как и любой из нас. И именно по причине этого, сингулярного, сходства с великим писателем, отчего-то показалось Николаю, что, если бы не наплевательское отношение к нему со стороны родителей, все могло бы быть иначе – он тоже мог увлекаться японской

поэзией, кабуки и но, окончить школу с отличием и даже часы из рук японского императора могли бы достаться ему, а не Хираоке Кимитакэ.

Позабыл – или упустил – он в этих рассуждениях то, что жил совсем не в Японии. Что в русской литературе и истории примеров личностного роста и духовной полноценности ничуть не меньше, а даже больше, чем в культуре иных стран, в том числе богатейшего и духовно пресыщенного Востока; что не от родителей, а от самого человека зависит его личностный рост и развитие. Но самое главное и печальное во всем случившемся с ним в этот день состояло в том, что он стал подвергать ревизии свою собственную судьбу в историко-культурном контексте – в душу его заронены были зерна неудовольствия родительским воспитанием и обстоятельствами времени и места. Он страстно пожелал отрешиться от предков своих, от корней своих – по мотиву их уродливости, бескультурья и безучастности по отношению к нему самому и его судьбе...

Он чувствовал происходящие внутри него перемены, но еще не понимал, насколько фатальными они могут стать для него...

Однажды Мисима пошел на охоту.

Его пригласил Михалыч. Причем, что интересно, раньше он почему-то никогда не приглашал его подобные вояжи. На разумный вопрос Николая, что же побудило его позвать в спутники человека, особой страстью к охоте не отличавшегося, Михалыч ответил в лучших традициях самурайской культуры:

– Только храброго ронина позвать на охоту могу. Иные вовсе не годятся для этого.

Невероятно воодушевленный не столько приглашением, сколько его филологическим окрасом, пришел Мисима домой.

– Собери меня в дорогу. В долгий путь отправляемся с Оаке-саном нынче же вечером.

– Че? Куда это ты собрался? Нажрался опять?

– Дура ты! На охоту с Михалычем пойдем.

– Ой, – Нина обмерла. – На кого пойдете-то?

– Михалыч сказал, что на куропаток, но, если доведется, и медведя завалим.

– Ага, конечно, как бы он вас не завалил, герои тоже мне.

– Молчи, женщина.

Прислушалась Нина к совету мужа – недавняя встреча с кулаком супруга все еще свежа была в памяти.

Вечером пошли. За Ясаковым была обширная болотистая местность, заросшая редким лесом и камышами. В этой-то глуши, согласно многолетним наблюдениям Михалыча, и гнездилась толстая куропатка.

– Значит, смотри, – когда приятели обошли лес краем болота и засели в кустах не доходя до чащи, учил Михалыч своего юного спутника, – сейчас Полкана отправим в болото. Он их шуганет, они-то и взметнут. И тут короче говоря, смотри в оба да успевай стрелять. Все понял?

Мисима кивнул. Краткий курс артподготовки они с Михалычем прошли еще за неделю до славного похода на грозного крылатого соперника, так что интеллект самурая не опасался этой исконно русской забавы. Даже напротив – Мисима как бы тяготел к подобного рода занятиям, полагая их свойственными настоящему мужчине и воспитывающими боевой дух.

Ну да сказано-сделано. Пес опрометью бросился в самую топь, и спустя некоторое время стая куропаток как по команде взметнула ввысь, оставляя за собой трассирующие следы.

– Стреляй! – крикнул Михалыч, вскидывая ружье.

Неподготовленный взгляд малоопытного в делах охоты самурая поначалу не позволил с такой же прицельностью, как у Михалыча, подстрелить шустрюю птицу. Но очень скоро

сноровка Николая взяла свое – и, поверженные выпущенными им пулями, одна за другой птицы стали падать ниц с заоблачной высоты. Полкан метался между сыпавшейся с неба как из рога изобилия добычей, не зная, какому из охотников отдать предпочтение. Очень скоро у ног охотников скопилась груда подстреленной дичи. Михалыч ликовал. Мисима скромно улыбался.

Стали собирать птицу в мешки. Заметили отсутствие пса.

– А где это наш Полкан? – осмотрелся Михалыч. – Полкан! Подь сюды, дурак старый!

– Я схожу, – и Николай исчез в чаще леса.

Брел недолго – минуты три. Как вдруг натолкнулся на Полкана, стоявшего как истукан между деревьями.

– Полкан! Ты чего? Пойдем, хозяин заждался.

Пес не реагировал. Обычно подвижный и игривый, он стоял буквально как вкопанный.

– Полкан! Ты оглох?

Мисима подошел ближе и присел на корточки рядом с четвероногим охотником. Потрепал его по холке.

И обратил вдруг внимание на его взгляд – Полкан смотрел в одну точку, за следующим рядом деревьев. «Что же там?» – и сам самурай бросил храбрый взгляд воина туда, куда его недавно бросил пес.

Клянусь Фудзиямой, такого шока Мисима не испытывал, даже когда сорвался с ручного тормоза комбайн, под которым он лежал, и едва не придавил его в поле в разгар уборочной страды. Перед его глазами стоял огромный, трехметровый медведь.

Раньше самурай видел огромных хищников только на картинках – и потому ко встрече с ним лицом к лицу никак не был готов, хотя бравады ради и похвалялся перед супружницей.

Полкан оказался умнее своего разумного друга – завидев зверя, он соблюдал абсолютную тишину, зная, как охотник с многолетней практикой, что издавать в его присутствии лишние шумы – означает привлечь совсем даже не нужное внимание. А вот Мисима, поскольку собачьего опыта не имел, с перепугу заголосил во все горло:

– Михалыч! Каюк! Дергаем! Медведь!!! Медведь!!!

Полкан не так испугался медведя, сам внешний вид которого произвел на маленького песика скорее приятное с эстетической точки зрения впечатление величественности и силы, как испугался голоса Мисимы, напомнившего звук иерихонской трубы. Покинь они сейчас поле сражения, внимания мишки можно было и не привлечь, тихонько убравшись с добычей восвояси. Но теперь – это стало ясно по налитым кровью и обращенным в сторону путников глазам медведя – контакта не избежать.

Охотники бросились со всех ног, когда при виде Михалыча настиг их звериный вопль – то разразился кровожадным и не обещавшим ничего хорошего рыком медведя, высвобождая наружу свою хищную сущность и недоброжелательные намерения.

– Твою мать! – Михалыч понял, в чем дело, бросил всю добычу и опережая остальных, с прытью, коей позавидовал сейчас Мисима, бросился наутек.

Неизвестно кто громче орал – медведь или охотники, поддерживаемые лаем Полкана, но, пересекая болото, распугала эта группа остальных куропадок, решивших, самое страшное на сегодня позади и примостившихся на ток в густых зарослях сырого камыша. И, несмотря на то, что грузный и голодный медведь не проявлял такой прыти и отстал уже через несколько метров, предпочтя встрече с охотниками встречу с брошенной наспех добычей горе-самураев, успокоились последние только у деревни.

Потом шли и долго думали, что соврать, чтобы не прослыть в глазах односельчан трусами. Молчал Николай – особенно ему важно было сохранить репутацию, но и врать он не был приучен, а потому тяжело ему было это обсуждение. Все варианты, что предлагал Оаке-сан (он же Михалыч), казались Николаю (он же Мисима) бредовыми и непорядоч-

ными. А потому обратиться за советом он решил к Синдееву, чей практический ум наверняка нашел бы выход из этой сложной ситуации. На том и порешили – Михалыч пошел домой, а Колян к Синдееву.

Семеныч бухал.

– Заходи, Колян, бери стакан.

Сегодня с особенной яростью потреблял Николай льющееся в изобилии sake. Настолько велико было огорчение его, что решиться рассказать о нем мог он только во хмелю.

– Ну, чего случилось? – когда уже порядком напились, спросил Синдеев. Про себя Колян решил звать его «учителем» – шифу. А мысленно обращался к нему не иначе чем с приставкой «доно», что в лучших самурайских традициях иллюстрировало наивысшую степень уважения.

– Да ты понимаешь, мы с Михалычем на охоту пошли...

Синдеев сплюнул под ноги – он не любил старого сквалыгу.

– Опять ты с этим петухом тухлодырым якшаешься... Говорил же тебе...

– Я думаю – ну охота, чего... Мужское же дело-то!

– Ну и чего?

– На медведя нарвались.

Синдеев прыснул в кулак.

– И чего?

– Ну деру.

– И чего теперь?

– Михалыч пошел своей сознаваться, что медведь чуть не порвал. А я...

– А ты чего?

– Да мне как бы это... совестно что ли. Ну, сам понимаешь, какой же я после этого самурай?!

– Напрасны опасения твои, о храбрый воин. Ибо только в честном и открытом бою с равным по силе и по оружию проявляется и оценивается мужество самурая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.